

W W 3

«ПРИЗРАК»

М. Спасский

Kharkiv 2017

04.05.2017 © автор **М. Спасский**

15.10.2017 © оформление **Alex-Rus**

15.10.2017 © редактор **Alex.Rus.UA**

СЕРИЯ
М
М
М
М

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

Аннотация¹

Сочащуся циничным сарказмом мистическую притчу «Призрак» М. Спасский написал совсем недавно (в 2017 году), в очередной раз подчёркнуто реалистично демонстрируя ею элементы своей так называемой «парадоксальной философии».

Внимательному читателю сразу бросается в глаза патологическая противоречивость витиеватых мыслей и алогичных изречений персонажа — на фоне царящего кровавого безумия WW3, питаемого неиссякаемой ненавистью из бурлящей пучины извечного ужаса. А красочно воспетое героическое ничтожество деградирующих человекоподобных существ, упоённых своей «богоизбранностью», становится бантиком, повязанным поверх аккуратно упакованного противоестественного (то есть *противного и Природе, и Творцу*) инфернального непотребства.

Но нет, оказывается, это — ещё не Преисподняя, пока ещё нет. Шанс вырваться из этого порочного круга остаётся у всех, конечно, если им каким-то образом (*кажущимся* *неимоверным чудом*) удастся окончательно разобраться с по сути неразрешимой проблемой «предателей-бандеровцев», «окупантов-укропов» и прочих «извечных врагов».

Исполненная многозначительных намёков и насыщенная яркими видениями, книга эта категорически рекомендуется к прочтению всем, а некоторым — более одного раза.

15.10.2017 © Alex-Rus AKA Alex.Rus.UA

... героям русского мира посвящается ...

¹ Редакция 15.10.2017 г. рассказа «Призрак» (автор М. Спасский) по теме WW3 (оригинальный документ от 04.05.2017 г., первичный редактор GAD, Home Studio). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ГЛАВА 1. ПРОЛЁТ

1. Четыре часа

В такую рань я с детства привык мирно спать. Помнится, даже в несколько более поздние часы разбудить меня для неперемного тогда похода в треклятую школу бывало непросто — граничащая с садизмом принудительная процедура сия отнимала добрые полчаса времени в виде нудной возни и злобной грызни, а иногда даже больше. В результате малолетняя бунтарская привычка эта настолько глубоко въелась в моё утро, что, можно сказать, стала неотъемлемой частью моей противоречивой натуры. Вот и *теперь*, по прошествии стольких лет, эта цепкая бестия никак не желала изменять своей сути, наоборот, словно бы день ото дня набиралась новых сил. О да, особенно теперь (когда кое-как соснуть получалось всё реже, тем паче тревожными ночами) упрямая сволочь эта, словно подстёгиваемая регулярным недосыпом, никак не собиралась сдаваться, будто бы строя и укрепляя внутри меня какие-то психосоматические баррикады. Можно ли тупо называть это некой активной формой банальной лени? Почему нет? Как по мне, это очередное явное противоречие не имеет равным счётом никакого значения, как, впрочем, и многие другие, не менее очевидные, особенно из числа повседневно властвующих над нами догм. А вот что имеет серьёзнейшее значение, так это то, что *мир наш непрерывно требует решительных и непреклонных действий*. Более того, он зиждется на постоянном бдении, ибо гнусные враги, как известно, никогда не дремлют. Да, детки, взрослый мир — он такой:² быстротечный и суетливый, суровый и беспощадный! Хотя, о каком мире, в самом деле, может идти речь на передовой?

Увы, печальные думы. О, бывшие воспоминания. Ах, наивное детство. Эх, несбывшиеся мечты...

Каких-то пару-тройку лет назад для меня всё кардинально изменилось. Тогда мне уже начинало казаться, что мои суетливые побегушки наперегонки со временем, ценами и (конечно же) иными

«загребущими участниками регаты»³ наконец-то приближаются к финишной черте, за которой начинается вовсе не вечный покой (как мне убедительно верилось), а именно бесконечное потчевание победителя — это меня, ясное дело. О да, поначалу я действительно надеялся легко и просто обеспечить для себя распрекрасную жизнь, побыстрому подрубить нехилых деньжат, заделаться уважаемым человеком, да и вообще... Но вместо этого прочно и надолго увяз во всей этой пыли и грязищи по самые помидоры... Причём, как оказалось, *очень* прочно и *очень* надолго. Нынче вообще мне всё чаще начинает казаться, что увяз навсегда. Словно вяпался по уши в некую трясиину или скорее попал в хитро расставленную ловушку... Однако подобные опасные мыслишки однозначно следует молча держать при себе.

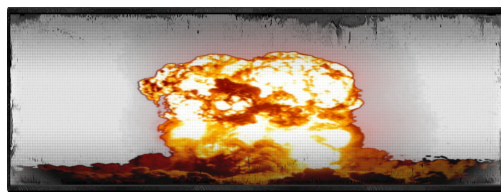

Непривычная тишина, вязко разливаясь во влажном утреннем воздухе, предательски убаюкивала, практически ежеминутно подло выжимая из меня очередной зевок. Хорошо разве, что восток потихоньку начинал светлеть —⁴ вот-вот взойдёт солнце и подсветит для нас передовые укрепления врагов, заодно хоть немного ослепляя этих прочно окопавшихся упрямых мерзавцев. Ну вот никак не могу взять в толк: они же все такие трусливые и ничтожные твари, как только их командирам удалось заставить подобную падаль настолько прочно удерживать свои позиции? Неужели они действительно все так сильно запуганы своим руководством, что даже наши регулярные мощнейшие обстрелы из артиллерии, в том числе реактивной, их не способны переубедить? Ну вот *за что* они готовы сдохнуть, а? За тряпку эту свою цветастую? За наречие это своё придуманное? Или за пресловутый клочок земли и два раба в придачу? ... Ясное дело, ответ очевиден: *фанатики*. Не поголовно все, конечно, но критичное большинство из них — фанатики, однозначно. А вот остальные... Конечно, для кое-кого из них ещё не всё потеряно. *Перспективный с токи зрения разработки контингент*, как выразился бы политрук. Но вот с моей точки зрения и они все поголовно, и их мотивы, и тем паче цели — всё это, что называется, *монопенисно*, то есть *один хрен*, если человеческим языком. Как выразился один персонаж из «дуровизора», *мочить надо всех — бог сам рассортирует*.

Побудка началась почти полчаса назад — всем нам по большому секрету торжественно объявили, что сюрприз, который мы все так долго ждали, с понтом, наконец-то наступил. Аллилуйя, товарищи! Кое-кого (из числа особенно туго соображающих после вчерашней дозы) пришлось будить пинками. Даже с некоторых пор на диво трезвый я, продираясь сквозь сонную пелену, залепившую глаза, и скрежещущие на зубах злобные матюги

3 Явное указание на песню «Мы все участники регаты» из мультипликационного фильма «Остров Сокровищ» (1988 г., творческое объединение художественной мультипликации «Киевнаучфильм») по мотивам одноимённой приключенческой повести («Treasure Island», 1883 г.) Роберта Луиса Бальфура Стивенсона (Robert Louis Balfour Stevenson, 1850-94 гг.) — шотландского романиста, поэта и странствующего писателя. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

4 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

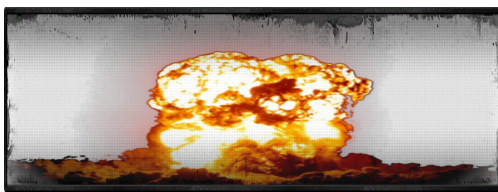

этих самых товарищей, прямо скажем, вовсе не желал (как, впрочем, и все остальные) прерывать свой отдых из-за очередных бравурных и малорезультативных «закошмариваний» вражеских позиций. Тем более, что подобными вещами основательно занимались те, кто регулярно кантовался вблизи передовой, точнее достаточно часто пребывал в непосредственной близости от так называемой «серой зоны». Мы же, хоть и относились формально к основной линии обороны, но по факту находились всё же уютно глубже,⁵ на подконтрольных нам территориях. В наши обязанности входило внимательно следить за установленным строгими начальниками распорядком и разве иногда, как только кураторы «сверху» дадут «добро», щедро «одаривать» этих чёртовых фанатиков из всех доступных калибров во всех указанных направлениях. Хоть какое-то развлечение среди повседневной разъедающей скукотищи и деморализующего однообразия хитрожопо организованного «перемирия». Временами, конечно, и сюда кое-что «прилетало», причём с самых неожиданных направлений — неуловимые колонны мусоровозов с «укропскими» ДРГ реально зае... Но всё же здесь было относительно спокойно. Ну, разве по-пьяни ещё кто-то что-то особенно тупое да отвратное начудит...

Вот как вчера, когда парочка ужравшихся мудозвонов (из числа «залётных», то бишь «наёмных работников») уболтала меня подняться пешедралом наверх ближайшей многоэтажки (лифт в которой, ясен пень, не работает, как и в соседних) — мол, давай проверим новоприсланные «гуманитарные» боеприпасы, а то в прошлый раз фуфла особенно много попадалось (почти треть даже не стрельнула). Естественно, их развесёлая настойчивость сулила немедленные проблемы в случае отказа. Плюс ко всему мне пришлось помогать им тащить эту тяжеленную дуру (в целом почти полсотни кило) ... В общем, развлечение сразу получалось весьма сомнительное, мягко говоря, на извращённого любителя. Вскоре выяснилось, что эти «гении» давно «семнашку» свою тридцатимиллиметровую⁶ толком не чистили, засранцы тупорылые. В итоге эта брутальная поделка старого доброго военпрома давала задержки и осечки чуть не на каждом третьем-четвёртом выстреле; стрелять удавалось ну очень коротенькими очередями, что, снова же, с каждым разом начинало всё изряднее нервировать. *А нервный боец, как известно, притягивает смерть — либо к себе, либо к окружающим.* Хорошо, хоть удалось всё-таки убедить их не

5 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 Подразумевается 30-мм автоматический гранатомёт АГС-17. (прим. автора) — Разработанный в начале 1980-х годов 30-мм автоматический гранатомёт на станке АГС-17 предназначен для поражения живой силы противника и огневых средств, расположенных вне укрытий, а также в открытых окопах (траншеях) и за естественными складками местности (в лощинах, оврагах, на склонах высот). Стрельба ведётся настильными или навесными траекториями, короткими (до 5 выстрелов), длинными (до 10 выстрелов) очередями и непрерывным огнём до расходования всех выстрелов в магазине. ТТХ: прицельная дальность стрельбы 1730 м, начальная скорость гранаты 185 м/с, радиус сплошного поражения 7 м, темп стрельбы от 50-100 до 350-400 выстрелов в минуту, боекомплект 3 коробки (магазина) массой 14 ½ кг и ёмкостью каждой 29 выстрелов, масса гранатомёта без станка 18 кг, а со штатными 12 кг станком и 1 кг прицелом — 31 кг. ПАГ-17 (прицел автоматического гранатомёта) имеет 2,5× увеличение, поле зрения 12°, диаметр выходного зрачка 4 ½ мм, удаление выходного зрачка 27 мм, масса полного комплекта 3 ½ кг, а без системы освещения 1 кг. ВОГ-17 (выстрел с осколочной гранатой) калибра 30 мм и длиной 120 мм имеет общую массу 350 г, из которой собственно граната 280 г, а взрывчатое вещество 36 г. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

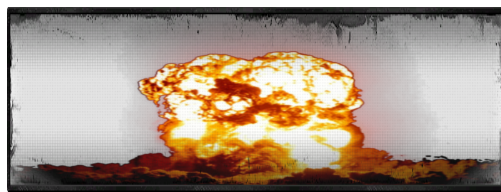
подниматься на собственно крышу, а ограничиться поспешно опустевшей квартиркой на крайнем этаже. О да, с их-то проспиртованным героизмом можно было и не таких глупостей ожидать.

Наблюдая за их бездарными грязно-матерными потугами, я сразу с тоской припомнил репортёров специального назначения, представая перед ясны камеры которых такие же, как и они, помнится, чуть ли не носки выглаживали, говнюки осоловевшие. Ну вот нет на них какого-нибудь Пореченкова, чтобы инструментарий хотя бы содержать если не при параде, так хоть в минимально пригодной к применению норме.

Пока они только маялись подготовительной вознёй, чтобы опосля каких-нибудь пару-тройку минут развлечься собственно стрельбой (и тут же, вспоминая мудрый завет телевизионного персонажа, *рвать когти*⁷), я решил пропустить соседние помещения. Вот тогда-то я и наткнулся на высохший (фактически мумифицированный) труп, похоже, местного пенсионера — труп, надо заметить, весьма тощий ещё задолго до собственной смерти. Да уж, по всему видать, пораскинулся таранькой ещё с минувшей зимы — сначала промёрз, потом уж просох. А разбитые невесть когда окна, ныне прикрытые жалкими лоскутами прибитого гвоздями на плашках прямо к рамам целлофана, успешно справились с непотребными запахами, которые образовывались в процессе «вызревания», так сказать. При этом «сухофрукте» удалось обнаружить разве паспорт с вилкоподобным гербом, некогда приныканный глубоко в кармане под верхними шмотками, а на момент обнаружения прочно прилипший к въевшейся в останки кожи рубаше на груди. Вскоре оказалось, что в помещении вокруг тоже ничего интересного — голыдьба голыдьбой. Не иначе, кто-то из братвы задолго до меня здесь всё основательно «прошерстил», может, этот говнюк ещё и слабенько попёрдывал тогда, слегка шевелясь, как знать. Блин, из этой обшарпанной однокомнатной квартирki получился просто-таки шикарный саркофаг старому проклятущему укропу, чтоб ему;⁸ вышла распрекрасная усыпальница, мать её, для конченного недобитка бандеровского. Уж не знаю, на какое чудо такие старые пердуны могли надеяться (кроме целительного сока из крови русскоязычных младенцев, конечно), но что именно *этот упырь* получил вполне по заслугам — факт! Хотя, по-любому, зрелище не из воодушевляющих получалось. К тому же на меня что кладбища, что отдельные могилы, что вообще всякая подобная хренотень всегда смутную тоску навеивает — ну, с раннего детства (сколько себя помню) чувствительная натура у меня, видать, слишком добрая душа...

Спешно отстрелявшись, наконец-то, по окрестным почему-то не до конца заброшенным селениям, относительно довольные парни рванули к выходу, обгоняя гипотетически возможную «ответку». А во время спуска, услышав мой кратенький рассказец, долго ржали над очередной вариацией «холодомора» для местного пенсионера, который удачно поставил точку на его безрезультатных ожиданиях скудной «хунтовской» пенсии и разрекламированных «ахмятовских» спасительных харчей.

7 Цитата слов персонажа Анатолия Дмитриевича Папанова (1922-87 гг., народного артиста СССР 1973 г.) в знаменитой советской кинокомедии «Бриллиантовая рука» (1969 г.) режиссёра Леонида Иовича Гайдая (1923-93 гг.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
8 В оригинале запятая вместо точки с запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я, конечно, тоже чуток поржал — для порядка, так сказать. Но на душе у меня после увиденной картины всё же остался подозрительный осадок. Нам-то ещё с прошлой недели обещают раздать очередное небольшое «гейропейское» подкрепление от «красного креста», как раз вчера вечером вроде бы кому-то из «коммандос» (в смысле, нашего крайне заботливого руководства мелкого, если кто не понял) уже удалось чуток себе урвать (как обычно, что-то вроде «пробной партии» получалось). А вот у меня в заначке пара банок отечественной тушёнки всего-то и осталась. И где (а главное — когда и сколько) удастся раздобыть более-менее сытно пожрать, я представлял себе весьма смутно. Сразу невольно вспомнились знаменитые «медвежьи» слова «*вы держитесь тут*». В такой ситуации, на местный манер выражаясь, до скрученных фигами «бебехов⁹» хотелось поскорее «освободить» ещё хоть парочку захваченных хунтовской мразью складов или продмагов.

Не удивительно, что давно ставшие регулярными назойливые обещания из уст всё сильнее заплывающих жирком высокопоставленных руководителей наших отдать-таки приказ к наступлению —¹⁰ и одним могучим рывком освободить очередные исконные территории наши из кровавых лап бесноватых захватчиков-«укропов» —¹¹ успели всем нам порядком поднадоесть. К тому же они всё чаще невпопад перемежались почти истеричными воплями о необходимости поддержания суровой дисциплины и постоянной боеготовности, естественно, с целью отразить гнусное нападение паскудно не соблюдающего мирные договорённости врага. И тут вдруг — оп-па, сюрприз! Чёткий и однозначный приказ о всеобщем наступлении (который успел уже стать для нас всех если не мечтой, которой всё никак не удавалось сбыться, то, как минимум, поводом для вовсе недобрых шуток) всё же был только что отдан — действительно, крайне неожиданно получилось, по крайней мере, для меня и моих таких же мирно сопящих доселе товарищей.

9 Суржик, здесь в смысле внутренностей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

10 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

11 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

2. БИТЫЙ ЧАС

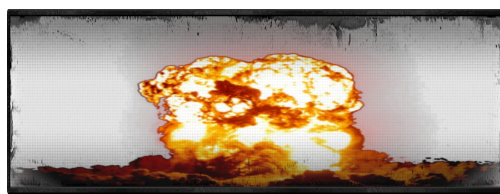
Сразу после завершения окончательно разогнавшей остатки сна (не только и не столько среди наших рядов, конечно же) массированной реактивной артподготовки, не теряя ни минуты времени даром, наши передовые силы (в основном из числа поставленных «под ружьё» местных и бойкой кучки «залётных», конечно же) дружной разномастной волной рванули в долгожданное наступление. Из глубокого тыла их прикрывали приодетые в новьё (словно на парад) матёрые «отпускники». Ревущая, лязгающая и грохочущая бронетехника прибавляла уверенности тем, кто к данному моменту успел подрастерять свою былую решимость вкупе с показной отвагой. Замешкавшихся малодушных предателей непосредственно позади наших рядов чутко стерегли кавказские братья, готовые ими (в ожидании полагающихся сорока гурий¹²) временно «перетоптаться» (точнее буквально «перетоптать» их неверные задницы). Следует признать, весьма эффективная форма старых добрых заградотрядов получалась. Заветы дедов, прямо скажем, соблюдаются неукоснительно.

Оказалось, что поддерживаемого горячими чеченскими коллегами запала «передовикам» хватило минут на сорок, не больше. Не иначе как обожравшиеся наколотыми апельсинками «майданутые» твари держались настолько крепко ещё и из-за того, что к каждому их «гейропейскому» задку приставили сразу по два каких-то особых киборга, возможно, пиндосского производства, но однозначно с шизанутым грузинским «обвесом» вместо жёваного ошейника.

По факту лично мне повезло — далее переднего ряда наших же укреплений именно наша бурная волна не перекатилась. Можно сказать без лишних понтов, что фронт атаки захлебнулся до того, как пришёл наш черёд удобрять местность своими несколько прохудившимися внутренностями. Кое-кому из более шустрых коллег наших всё-таки удалось вернуться обратно, но таковых, насколько мне было заметно, оказалось на диво маловато. По разным сведениям коллег, успешно «отхлынуть» удавалось одному из пяти или даже десяти отважных воинов-освободителей. Особенно жутко выглядели чадающие по-чёрному развороченные остовы парочки «отжатых» у «укропов» новейших «Армат»¹³ (на корпусе одного танка была крупная надпись белой краской «на Лондон», на другом — вообще «на Вашингтон», причём в обоих случаях надписи эти уверенно завершались твёрдыми знаками, намалёванными — очевидно, для контраста — ярко-красной краской). Грубо говоря, полевые испытания эта чудо-техника прошла так же «успешно», как и памятную проверку парадом. Залётные «отпускники» с мощным дальнобойным новьём никого тоже особо не

12 Гурия (в исламе) — дева, улаждающая праведников в рай. (прим. автора)

13 Новейшая (экспериментальная) российская модификация семейства советских танков. (прим. автора)

впечатлили — как только пошло настоящее «месиво», занякались, кто где смог, — и потихоньку затерялись непонятно где. Что ж, припомнил я, *этим блукать не привыкать*.

Привычно укрывшись под свежебетонированной стеночкой окопа в ожидании серьёзной «ответки», я задумчиво внимал на диво ритмичной свистяще-вжикающей мелодии пролетающих надо мною мелкокалиберных пуль. И чего только разные напыщенные снобы в каких-нибудь запотевших пенсне да драных манто табунами ломаются во всякие подрихтованные оперы да захудалые театры вековой давности, когда в таких вот живописных местах охренительный концертище можно задарма заценить?

Диссонанс в неподражаемое звучание огнестрельных инструментов вносили разве стоны легко раненых да (перемежаемые короткими очередями из стиснутого грязными татуированными ручищами «калаша») громогласные матюги одного не на шутку разошедшегося бородатого мужика в засмальцованной тельняшке, которым, казалось, вражеские пули совсем брезговали. Неуёмное буйство чудика этого, закрепившегося слишком уж неподалёку, мне как-то сразу не понравилось. Ну вот если подумать: чего это он, а? Это ж не кино какое тут снимают — здесь реально «прилёт» можно отхватить такой, что в привычных нам единицах измерения и до *двухсот* дойти легко может...

Чуть ещё поразмыслив, я окончательно уразумел, из-за чего именно ненавижу подобных непомерно усердных типчиков. Пуля — она, как известно, дура та ещё: каким-нибудь раздухарившемся засранцем побрезгует, а вот кого если и не абсолютно мирного, то достаточно тихого рядом с ним завсегда зацепит. Точно-точно: не раз уж замечалось подобное, причём не только мною. Так что, кто бы что не говорил, подобная досадная несправедливость —¹⁴ не суеверие какое, а самая что ни наесть проверенная практикой стопудовая истина. Как там звали этого чудилу забугорного, который украл у нас наши старые добрые «законы подлости», Мерфи кажись? Так вот, собственными руками придушил бы этого пиндосского плагиатора! Но, не смотря на это исконно амеровское паскудство, исковерканные им наши слова таки всё равно суть истинная правда, просто-таки суперправдище.

14 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ГЛАВА 2. УЛЁТ

1. Святое дело

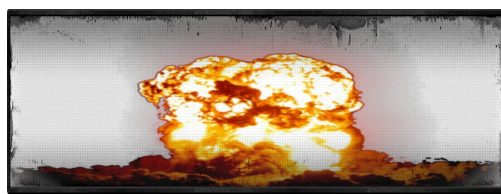
— Истинно говорю вам, братья, — с воодушевлением глаголил матёрый человечище из подвида хитрожопых политруков, ныне представавший в облике одновременно ещё и истого квазирелигиозного проповедника. — Кто сеет смерть врагам государевым, тот благ! Ибо сказано во Писании самим апостолом Павлом, что *всякая власть — от бога*.

Разглагольствования сего гибридного выкидыша несостоявшихся дьяконских потуг (в таинственнейших монастырских кельях) и незавершённых экспериментов (в секретнейших лабораториях КГБ), кажется, могут продолжаться если не вечно, то сутками напролёт. И, что характерно, несусветная смесь крайне противоречивых, чтобы не сказать грубее, идей, исторгаемых из уст его бурлящим мутным потоком, вызывала у отдельных слушателей не просто ответное воодушевление, но ярый подъём всего, что могло бы подняться. Особенно когда речь почтенного оратора сего углублялась в такие дебри, как цитирование Старого Завета с его *опухшими чревами и опавшими лонами у проклятой народом преступно-нечистой жены*¹⁵. Да-да, особенно когда речь его касалась той сáмой вероломной стервы, которую, естественно, пренебреженно следовало сначала во благо «очищать» великодуховной поркой и добрыми зуботычинами, дабы после щедро «освящать» излияниями благодатного семени своего, да сотоварищи...

Невольню даже у меня, вовсе не склонного к подобным богоизбранным развлечениям, по крайней мере, ещё несколько лет назад, начинало ощущаться некоторое шевеление между... Ну, где-то внутри — в сáмой загадочной глубине душ, так сказать.

О да, от проспиртованного велеречивого мужа сего так и веяло исконным могуществом и подлинной духовностью. Он представал пред слушателями аки сияющий столп, который если и не подпирает незримые Небеса, то основательно укрепляет испокон веков стоявший Кремль и

15 «Четвёртая Книга Моисеева. Числа.» (Глава 5, стих 27): «и когда напоит её водою, тогда, если она нечиста и сделала преступление против мужа своего, горькая вода, наводящая проклятие, войдёт в неё, ко вреду её, и опухнет чрево её и опадёт лоно её, и будет эта жена проклятою в народе своём». (прим. автора)

походя решительно попирает врагов святой веры миролюбиво воинствующих отцов наших. О, сколь витиевато анафемствовал и нещадно глумился он над местными недостойными еретиками с грязно-чёрными пастями, посмеявшись недальновидно осквернить богохульными словесами своими всеблагое имя Владимира, в коем есть и истинное Слово, и праведный Путь, и справедливое Воздаяние¹⁶! ... Именно в такие моменты его пламенной речи, кажется, он начинал если не лучиться светом, то почти ослепительно сверкать. Впрочем, сверкал в основном вынырывающий временами из-под кустистой бороды его внушительный крест, висевший на могучей цепуре желтявой — прямо над могучим чревом его, в самом перекрестии своём предъявляя зрителю святейший лик самого Сталина-(у)богоносца¹⁷, конечно же, пренебреженно осенённый богоугодными лучами пятиконечной звезды.

Звёзд с неба я, следует признать, даже в школе не хватал, а всяких бурс и никчемных университетов вообще не заканчивал. Но, как только расслышал проповеди сии, ни секунды не усомнился: *это ж-ж неспроста*¹⁸! А коли так, то пренебреженно следует успеть удачно влиться в струю, то есть именно попасть в первые ряды, чтобы реально не опоздать и, само собою, не прогадать, как, например, случилось с тем же «МММ». Нет, вы не подумайте, бредовых мыслей вроде *«куплю жене сапоги»*¹⁹ у меня ни на секунду не возникло. Скорее наоборот, наконец-то окончательно проявилась и чётко дооформилась весьма достойная и осмысленная мечта: мол, куплю-ка я себе новую жену, да погрудастее. Или даже не так: лучше прикуплю сразу парочку любовниц, причём не каких-то там гурий²⁰, а опытных, на всё готовых и способных фигуристых развратниц. Или — чего уж мелочиться? — заведу-ка я целый гарем опытных сучек!

Окрылённый радужными богоугодными планами и влекомый открывающимися православными перспективами, я реально *встал* в первые ряды «зелёных» (*«вежливых огурчиков»*, как мы тогда между собою в шутку именовались), а в результате во всё это великое разочарование, как уж я помянул, и вяпался прочно по самые припухшие помидоры...

16 Сразу вспоминается нецензурная речёвка харьковских футбольных фанатов, объединившая если не весь мир, то всю страну. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

17 В оригинале так и было: «(у)богоносца», т. е. «у» в скобках, очевидно, так задумано **автором**. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

18 Цитата из мультипликационного фильма «Винни-Пух» (1969 г., реж. Ф. Хитрук), снятого по мотивам российского пересказа (плагиата) «Винни-Пух и всё-всё-всё» 1960 г. Б. Заходера, основанного на повести английского писателя Алана Александра Милна (A. A. Milne; 18 января 1882 г. — 31 января 1956 г.), который также писал пьесы, сборники рассказов и стихов, но особенно известен именно книгами для детей об игрушечных зверушках: медвежонке («медведе с опилками в голове») Винни-Пухе и его друзьях (Пятачке, Кенге и Ру). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 Цитата из рекламного лозунга (слогана) «совковой» финансовой пирамиды 1990-х годов под названием «МММ» и прикрытием приемников КГБ. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

20 См. 12. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

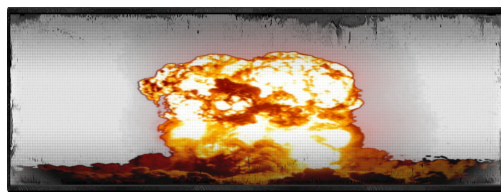
И ведь поначалу, казалось, действительно попёрло. То есть стать одним из самых-самых первых я, как выяснилось, всё же припоздал: серьёзные конторы «обнесли» до меня. Но, «прошерстив» кое-какое местное жильё да ещё «пощупывая» внезапно прохудившихся местных долбодятлов и временами даже облегчая набитые карманы менее рискованных и борзых коллег, мне удалось подсобрать нехило всякого драгметалла и принимаемых к оплате цветастых «фантиков» от разных печатно-монетных дворов. Макулатурка эта, конечно же, оказалась весьма кстати — и потратить завсегда найдётся куда, и приныкать аккуратные стопочки тоже не очень сложно. А вот со всякими драгметаллами и прочим ловко возвращённым из грязных «укропских» лап товаром непонятночка получилась: местные барыги принимали всё подобное совсем уж ху... — ну, по крайне заниженным ценам, чтобы не сказать грубее. Хорошо, хоть мне удалось вовремя узнать про незавидную судьбу тех, кто попытался за поребрик²¹ лично вывезти и сбыть во благое дело «экспроприированное» у всяких паскуд... Да уж, понял я сразу, придётся долго ждать, пока появится просвет в этой свинцовой завесе. Вот только, насколько долго, я даже представить себе не мог. Да и не могу до сих пор. Вот такая вот печалька.

Первый год я совершенно не торопился, хотя более-менее доходные мелкие источники поисскаали быстро, а крупные практически сразу оказались «под крылом» блатных товарищей с хорошо организованными командами, даже попытаться присоединиться к которым мне было немного стрёмно. Ну, почти так же стрёмно, как и пытаться «добазариться» у поребрика. Тем более, что взаимная кровавая резня и прочие беспощадные зачистки в оных рядах периодически предавались огласке — в воспитательных целях, так сказать, ведь всех их, безвременно почивших, незамедлительно (и вполне ожидаемо) относили либо к получившем своё подлым предателям, либо к героически уokoшенным неуловимыми «укропскими» ДРГ, будь они неладны. О да, осторожность и предусмотрительность — вот основы выживания. Как говорится, *тише гребёшь — дольше гребёшь*. Ну, или точнее: *осторожно гребёшь — больше подгребёшь*. В общем, тем и живу. Причём до сих пор, что показательно. Не густо, ясен пень, но и не пусто.

На второй год у меня — до кучи к укрепившейся мании преследования вкупе с обострившейся паранойей — развились ещё и немотивированные раздражительность вкупе с нервозностью. И это естественно, ведь нервное напряжение стало ощутимо нарастать с каждым месяцем, а отдушины, в которые можно было бы успешно и бесппроблемно выпускать пар, как-то позадраивались. Ну, реально ведь обложили, получается, со всех сторон, сучары!

В общем, именно тогда я стал больше пить. То есть раньше мне как-то боязно было спиться. Нет, даже не так: скорее именно *стыдно*. Ну согласитесь, разве не паскудно всё же это — вместо бравого героя-ветерана в орденах-медалях превратиться в обоссаного алкаша в заляпанной

21 В данном случае, очевидно, в смысле государственной границы, а изначально поребрик (питерский сленг) — бордюр (окаймление края тротуара, отделяющее проезжую часть от пешеходной дорожки); орнаментальная кирпичная кладка, при которой один ряд кирпичей укладывается под углом к наружной поверхности стены. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

блевотиной майке и засранных трениках с оттянутыми коленями? То-то же! Стать звездюлькой ржачных видеороликов про фанатов фунфыриков мне как-то, в отличие от великого большинства, всегда претило. Возможно, всё ещё сказывалось воспитание далёкого наивного детства. Ну, давали о себе знать родовые травмы и комплексы, как это, кажется, называют апологеты психоанализа.

А вот уже в начале третьего года мне вообще всё стало пох... Ну, минимум, по колено. Но таки реально практически всё. Да, именно на третий год я впервые попробовал «ширку».

2. Час потехи

— Давай-давай, братишка, попустит! — заверял меня чудик с перекошенным лицом, покрытым горячечной испариной, и бегающими прищуренными глазёнками на нём.

После того как я впервые, безропотно выполняя приказ, собственноручно (столовой ложкой из нержавеющей стали) аккуратненько выколупал глаза чрезмерно упрямому «укропу» на «подвальчике», меня трясло, словно в конечной стадии болезни Паркинсона. Позже, конечно, стало легче — и не такое приходилось делать, но тогда, впервые... Тогда я никак не смог бы попасть иглой в собственную вену. Потому, глубоким монотонным голосом из слюнявого рта приговаривая нечто успокоительно-ободряющее, эта плюгавая пародия на Мефистофеля прихлопывала меня по спазмированным мышцам, старательно прицеливаясь при этом в пульсирующий сосуд, который безразлично разносил по организму насыщенное кислородом дыхание жизни. И тогда я уже ничуть не возражал — никак, никому и ничему.

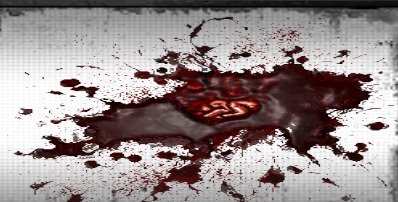
Тяжкие капли мгновений падали, болезненно скрежеща по чему-то потаённому — чему-то тому, что до сих пор ютилось где-то в неизведанных и неисчерпанных глубинах моей загадочно-безмолвной души. Но вот в один момент эти тяжёлые капли времени окончательно и бесповоротно канули в вечность — сосуд понёс растворённую в кровотоке дозу животного счастья и суррогата ангельской благодати.

Всё замерло. Само время остановилось. А пространство, кажется, одновременно и безгранично расширилось, и неимоверно сжалось.

Словно единую неделимую целостность, я ощущал непрекращающееся извечное движение мельчайших атомов и внимал божественной музыке небесных огненных сфер, пылающий пламень которых, кажется, мог без

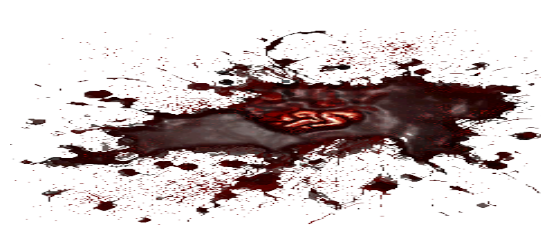
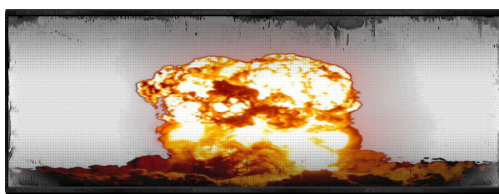

опаски ласкать незримыми ладонями. Я был всем и ничем, я пребывал везде и нигде. Я был самым бытиём и небытиём, рождением и смертью. И этому, конечно, конца не предвиделось — это одновременно было, есть и будет, причём всегда и, как ни странно, никогда. И всё это тоже был и не был я. Офигенно, если чуток призадуматься, но я не просто привычно не думал — я всем своим естеством глубоко внимал невероятно яркому откровению!

Вдруг издали донеслось эхо резкого крика вóрона, а на сáмом краю видимости замерцал высоко парящий пылающий меч с чётко очерченной крестовиной внизу. И тут услышал я доносящийся сразу со всех сторон и даже вроде бы изнутри меня нечеловеческий глас, словно бы тысячи органных труб мелодично переливаются неземными звуками, резонируя всем моим естеством, при этом волшебным образом сливаясь в неторопливые слова неизречимой мудрости. О да, сие и было истинным откровением — это я вразумел незамедлительно.

... Позже я силился, но никак не мог вспомнить ничего из услышанного тогда.

ГЛАВА 3. ПРОВАЛ

1. Имя нам — Легион

Теперь я вспомнил. Точнее, мне напомнили. Правда, лишь частично, но всё же...

Слышавшие звон, но недокумекавшие, о чём он, поспешно называли бы это *déjà vu*²². Однако я как-то на диво легко припомнил заодно, что подобный феномен на самом деле именуется *déjà entendu*²³. Толку, правда, от подобных внезапных проявлений проснувшейся памяти не густо, но для самомнения всё же приятно. Как-никак, институтов не кончал, а вон что, оказывается, знаю! С другой стороны, временами подобное даже пугает, ведь никогда заранее невозможно предугадать, насколько опасное воспоминание может неожиданно «всплыть». А, как известно, *многие знания — многие скорби*. Ну, или,²⁴ говоря менее вычурным языком, *меньше знаешь — крепче спишь*.

— По-твоему, это — Ад? Нет, падла, это ещё не Ад! Я покажу тебе... — сквозь грохот автоматных очередей и рычащий рёв матюгов донеслось до моего слуха нечто поразительно осмысленно прозвучавшее, при этом чуть ли не ударом незримой кувалды вбивая меня в ступор.

Оторопело взирая на клубящуюся пороховыми газами и освещаемую жёлто-красными сполохами выстрелов фигуру словно явившегося из Пекла бородатого татуированного мужика в засмальцованной тельняшке, я силясь припомнить окончание фразы, которая громогласным эхом тысяч органных труб вновь зазвенела в моей голове: «*Думаешь, это — Ад? Нет, это...*».

22 Французский термин 1900 года от Флоренса Арно: *déjà vu* (дословно) — «уже виденное». (прим. автора)

23 Французский термин 1900 года от Флоренса Арно: *déjà entendu* (дословно) — «уже слышанное». (прим. автора)

24 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Нет, это всё меня положительно достало!

Выброшенные стреляные гильзы звонко тренькали по натянутым струнам моих нервов, хотя и осыпались по другую от стрелка, то есть в дальнюю от меня сторону. Кажется, дьявольская какофония неумолимо прибавляла в неудержимой зычности своей дисгармонии, мне даже почудился вдруг новоявленный аккомпанемент — нарастающий свистящий гул, постепенно всё сильнее закладывающий барабанные перепонки.

Не думаю, что это было осознанное решение, тем более сомневаюсь, что успел вообще что-либо подумать касательно этого действия. Однако почти не удивился, когда моя совершенно недрогнувшая рука, словно бы на автомате, поднялась и спустила напряжённым пальцем курок. В это замершее в вечности мгновение мне явственно почудилась пуля, которая с неспешной ленцой покинула ствол моего оружия и со сладострастно чавкнувшей жадностью впиалась в черепушку чёртового бородача в тельняшке.

Отряд не заметил потери бойца? Одним больше, одним меньше? На том свете рассортируют?

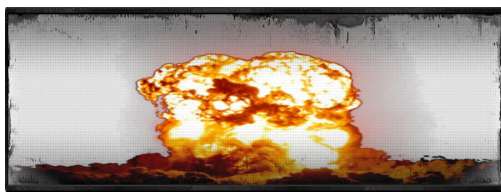
Внезапно земля-мать (её!)²⁵ вздрогнула, перевернулась и, аппетитно-поджаристо хрустя костями моего черепа, обрушилась прямо мне на голову.

2. Падший

Голова болела так, словно на «подвальчике» из неё неспешно повыколупали и повыскребли вообще всё содержимое, а потом ещё и залили взамен расплавленный свинец. Пыжась, как идущий на сраный рекорд тяжелоатлет, я силился хотя бы на миллиметр поднять величайшую тяжесть — свои сомкнутые веки.

Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Особо кровожадные «укры», помнится, понапридумывали толи поговорки, толи лозунги — ну, нечто совсем уж гнусное и хитрожопо-пафосное, что-то вроде «свобода или смерть» и даже «свобода нациям — смерть врагам». В общем, все эти «майданутые укрначики» просто-таки шизанулись на свободе, смертники чёртовы. У нас, по факту, получалось проще, честнее и эффективнее, одним бесконечно ёмким словом: «убивать, убивать и ещё раз убивать». Вот только публично провозглашалось это, конечно же, ещё более хитро, как

25 В оригинале так и было: «земля-мать (её!)», т. е. «её!» в скобках, что, очевидно, задумано автором. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

говорится, *завуалировано*. Да, для всех нас навык чтения между строк (или вообще додумывания между оглашёнными мыслишками) — наиглавнейший и наиважнейший, как ни крути!

«Врагу не сдаётся наш гордый...» — чуть слышно мямлил маловразумительный голос где-то в клубящейся бездне царившего нынче повсюду морока. «Весь мир до основанья...» — силился перебить этот мотив ещё один,²⁶ едва разборчивый, негромко шепчущий, но, кажется, постепенно приближающийся. Попеременно их почти забивали или пытались догнать и перегнать иные мотивчики: насыщенно-басовитый «... царствуй во славу...», гротескно-писклявый «... мы за ценой не постоим...» и прочие, прочие, прочие...

Вдруг неспешные клубы непроглядного морока стали двигаться активнее, по крайней мере, местами, — теперь кое-где из них проступали лица. Жуткие лица. Обезображенные лица. Лица мертвецов.

— Смерть великому российскому солдату — подруга, товарка и сестра, — пуская вороново-чёрные клубы из щербатой пасти, прошипело вариацию на тему неимоверно старючей поговорки одноглазое чудище с окровавленной повязкой в половину лица. Проглядывающая из-под неё другая половина была покрыта серо-сизыми струпьями и молочными зеленовато-жёлтыми гноящимися язвами.

— Они готовы сдохнуть за свою «окраину» — мы им поможем! — хрипло заявил почти голый череп, с которого лишь кое-где свисали комья плоти и ржаво-рыжие клочки волос.

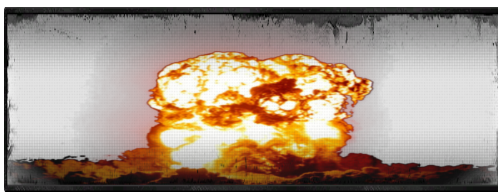
— И Жнец здесь правит бал, — торжественно изрёк желтушного цвета иссохший (до уподобления мумии) уродец с налитыми кровью глазами и пепельно-седой паклей на месте некогда пышных усов под трухлявыми останками горбатого носа. Каждое слово, исторгаемое из его стянутого истончившимися сизыми губами рта, сопровождалось обильной порцией маслянисто-чёрной жидкости, потоком стекающей вниз —²⁷ куда-то в ту непроглядную бездну, которая (по окончании этой напыщенной речи) поглотила его без следá.

— Я — отмщение, тебе воздам! — в странном горестном предвкушении простонало нечто безликое, безглазое и безносое, состоящее, кажется, из одного рваного кровоточащего рта и при каждом звуке вспухающих вокруг него огромных розовато-синеватых бугристых шрамов.

— И нет здесь спасенья, гори — не живи! — провизжал высокий голос вытянутой белесой головы, со всех сторон (даже снизу) овейной прозрачно-бледными, шевелящимися наподобие безголовых змей (или скорее кольчатых червей) патлами. Из-под ярко-алых губ проглядывали два ряда острейших зубов, кажется, одни лишь длиннющие клыки, вроде, опять же, змеиных. На месте носа торчало нечто клювовидное, только целостное и совершенно нераздельное, сплошь покрытое прочным с виду тёмным роговым наростом. Глаза же этой бестии были насыщенного оранжевого цвета, лишь тончайшей глубоко-чёрной нитевидной линией вертикально

26 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

27 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

рассекаемые зрачками напололам (так что издалека поначалу казалось, будто состояли из одних лишь этих гигантских водянисто-оранжевых белым) ...

И этот дьявольский хоровод всё продолжался. Вой, скулёж, плач, стон, рык, рёв, хруст костей и скрежет зубов всё нарастали, прибавляли громкости. Кажется, я начал постепенно приговаривать за ними, старательно, словно прилежный ученик за суровыми учителями, повторяя произносимые ими поразительно знакомые в целом и в то же время окрашенные непривычными нюансами фразы. И это также начинало казаться мне неким новым откровением, точнее неким жутким подобием ему, даже скорее ублюдочной пародией. И при этом где-то внутри меня нечто потаённое не просто с готовностью внимало, но радостно отзывалось...

А потём я отметил, что с каждым неизмеримым мгновением, с каждым услышанным и произнесённым словом мною всё сильнее овладевает крайне апатичное безразличие, а дымчатая тьма, кажется, всё плотнее застилает мой взор, скрадывая звуки и смазывая движения. Какую-то всё ещё напряжённую часть меня это несомненно тревожило, но тут я с неожиданным облегчением осознал, что всегда шёл именно к *этому* — глубокому всепоглощающему погружению в алчущую бездну...

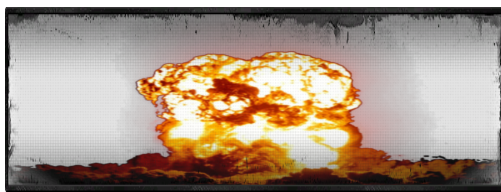
— Не сдавайся! — раздался издалека приглушённый, доносившийся словно через множество слоёв огромной кипы плотно сложенных ватников, голос. Голос удивительно мягкий, но настойчивый. А главное — *живой*. Да, несомненно живой. Как я *это* сумел понять *так* чётко, *настолько* однозначно? Не знаю точно, но очевидно, преимущественно из-за контраста с этими, *иными*.

Одновременно слепяще-яркий сполох прорвался под мои приподнятые чьими-то ловкими сильными пальцами веки. Обжигающе-яркий свет, кажется, враз выжег мне всю сетчатку, разве смутным пятном на ней успел отпечататься некий силуэт, нечёткий след, словно окружённый пылающим ореолом...

Теперь я даже различил (всё такой же ватно-приглушённый) звук, отдалённо напоминающий размеренные хлопки могучих крыльев. Во всём этом было что-то удивительно знакомое, умиротворяющее, возможно, небесно-ангельское. Вскоре я распознал и размеренный гул турбин, который всё нарастал, приближаясь.

Вертушка?

Я безуспешно попытался высказать вслух эту догадку, огласить её вопреки отошедшим куда-то назад навязчивым призрачным воплям и стенаниям, которые ныне, похоже, чуть поутихли и робко спрятались где-то

в обиженной тени, болезненно обожжённой вспышкой ярчайшего света. Но мертвецкая тень эта вовсе не спешила сдаваться, она лишь чуть отступила и осторожно затаилась где-то совсем рядом, выжидая удобного момента, чтобы вернуть своё, принять и поглотить причитающееся ей.

Теперь меня *это* жутко страшит, понял вдруг я, так сильно пугает, что нестерпимо захотелось плакать. Плакать от обиды и вынужденного понимания собственного полного бессилия. Но самым печальным оказалось понимание того, что мне уже вообще ничто не подвластно, даже собственные слёзные железы. Мне не под силу ни приподнять веки самостоятельно, ни разлепить губы, похоже, уже и дышать становится всё труднее. И чем острее я чувствовал нехватку кислорода, тем явственнее ощущалось величайшее могущество бесстрастно-холодной и неисчерпаемо-терпеливой тьмы. Тьмы, кажущейся сплошь пропитанной умерщвлёнными, но парадоксально неисчерпаемо-неутолёнными желаниями, а в придачу ещё и метущимися гневно-алчущими мыслишками. О да, в одночасье и полуживая, и полумёртвая тварь эта, одновременно безмозгло-пустая и наполненная осмысленным мраком, всё так же размеренно клубилась, постепенно приближаясь всё ближе и ближе. Неторопливо, но неизбежно.

Впрочем, внезапно догадался я, избежать сего алчущего морока, этой всевластной тени невозможно в принципе: *это* никуда не скроется безвозвратно, никогда не уйдёт навсегда, ведь *это* не просто часть меня, скорее я сам — часть *этого*, неотъёмная часть. Вот в чём истинный смысл существования — и мой, и *этого*. Или даже не так — рано или поздно предначертанное неизбежно свершится: мы станем едины и неделимы навсегда. Так куда же *этому* спешить?

ГЛАВА 4. БЕЗРАЗДЕЛЬНО

1. Кошмар в майскую ночь

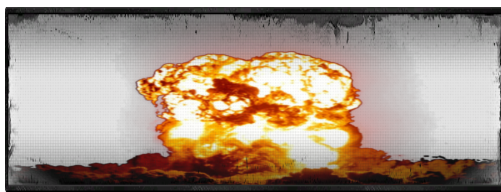
— Рано или поздно все *там* будем, — произнёс приглушённый, едва различимый сквозь ватную пелену голос, похоже, слегка печально вздыхая при этом.

Чуть слышным эхом ему вторили голоса — те самые *иные* голоса, назойливое жужжание которых нестройным хором стало вырываться за пределы временно отступившего морока, неспешно приближаясь, словно пока ещё слабый, но всё равно неотвратимо нарастающий рокот прибоя. Тьма активнее зашевелилась в предвкушении, еле заметно, но неумолимо сокращая расстояние, словно сжимая выжженную недавней вспышкой ярчайшего света межевую зону между нами.

Во мне самом изречённая банальность эта отозвалась ощутимо болезненно, ноющей жижей расплываясь повсюду, беспрепятственно охватывая все мои ощущения, концентрируя на себе всё моё внимание. Боль терзала меня, то мучительно пылая растекающимися комьями магматического жара, то надломано треща острыми иглами тончайших языков пронзительно-холодного пламени. Сгущаясь в мерзкую зловонную слизь, подобную материализовавшейся эктоплазме, изречённые слова эти постепенно закрепили мне ноздри и заполнили иссушённое горло, а потом вдруг начали твердеть и едким прахом оседать глубже в моих дыхательных путях, словно хлопья радиоактивного пепла, повсюду пронзающие мою плоть незримыми эманациями медленного гниения и затянувшейся агонии.

Рокошущий шум перебивающих друг друга мёртвых голосов всё прибывал, нарастая. Коварное воплощение неизбежности, клубящееся мраком мистическое *нечто* было всё ближе, одновременно маня и ужасая.

Исполненные сладостных обещаний, превратившись вдруг в льстивый шёпот, голоса сулили мне победоносное изменение к лучшему, великие достижения и явление во мне нового качества. Мол, именно из удобренной перегноем грязи поднимаются молодые ростки трав, деревьев и цветов. Именно из грубой руды добываются драгоценные металлы. Именно в бездонных глубинах вырастают крепчайшие и ценнейшие кристаллы. Мне

тут же явственно вспоминались картины с мерзко извивающимися червями, из которых получают грациозно порхающие прекрасные бабочки. И с каждым мгновением мне всё нестерпимее хотелось прикоснуться к несомненно образованным из некогда бесформенных глыб таким чудесным теперь изгибам великолепнейших скульптур, заманчивые образы которых призывно маячили в нечётких глубинах сжимающейся вокруг меня тьмы.

Да, значительной частью себя я действительно искренне хотел именно этого: не просто стать почитаемым всеми победителем и обрести славу и богатство, но обратиться в способного на всё сверхчеловека, для которого нет ни невозможного, ни недостижимого, ни запретного. И пускай всё это волшебство будет лишь на время, до некой условной полуночи, но нынче хотелось этого нестерпимо, просто-таки жуть как хотелось. Вот только как раз жути-то и было во всём этом больше всего. Да, следует признаться: я страшно боялся. И иррациональный страх этот был несравнимо сильнее рациональной части моего разума и моих абсолютно здоровых желаний. Потому не было для меня среди всего возможного и невозможного, что было только что мне честно припомнено и лукаво обещано, таких посулов, которыми меня можно было бы заманить во чрево этой жуткой бездны.

При всём при этом я откуда-то догадывался, что рано или поздно мне всё равно придётся нырнуть в это *нечто*. И оно с бездушным безразличием без лишней суеты заглотнёт меня всего без остатка, чтобы вот так же неторопливо расщепить и трансформировать, будто безымянную кучку атомов в ядерном реакторе, действительно на нечто *иное*. Вот только на самом деле обращусь я в результате этой неизбежной трансформации во что-то ещё более примитивное, более гнусное, более отравленное. В нечто, что в целях всеобщей безопасности следует тщательно запаковывать в надёжные герметичные контейнеры и укрывать подальше от живого мира — на многие тысячелетия, пока оно не сожрёт само себя и не рассыплется в пыль, которую сможет без какого-либо вреда развеять свежий ветерок.

Очевидно, в этом и состоит весь смысл происходящего со мною. Возможно даже, что в этом цель всякой жизни вообще. Таков, с понтом, извечный План всего Творения. Как знать?

Лично я в это мгновение точно знал только одно: я вовсе не мудрствующий всуе философ, а просто перепуганный до крайности трус. Я не прыгнул во тьму — даже не собирался, как бы она не звала, как бы не манила. Что бы там, в этом *нечто*, не было мне уготовано на самом деле, меня это, мягко говоря, совершенно не устраивало. А потому я собирался всячески откладывать эту неизбежность настолько долго, насколько смогу.

Приняв окончательное решение *держаться до последнего*, я поднапряг память, силясь припомнить слова какой-нибудь молитвы. Не уверен, что истый церковник мог бы меня в полном смысле обоснованно назвать верующим христианином. Однако лично я всё же искренне причислял себя именно к *правовер...* То есть к *православным*. И, как и всякому отважному воителю единственно верной святой церкви нашей, мне надлежало наизусть знать разные предписанные её исконным догматом и утверждённые святейшими представителями молитвы — для разных ситуаций, так сказать, для специального назначения и особого применения.

Это в теории. На практике, как оказывалось, я с трудом припоминал первые слова одной-единственной, изученной ещё когда-то в безвозвратно далёком детстве.

Отче наш...

С первыми же припомненными мною словами окружающая меня обстановка начала кардинально меняться. Однако вовсе не так, как я мог бы рассчитывать.

— Сыно-ок, — болезненно простонал низкий, печально-усталый голос из глубин хаотично клубящейся тьмы.

— Ты что натворил, тупой ублюдок?! — одновременно с ним резко взвизгнул куда более высокий, недовольно брызжа синюшной маслянисто-густой чернотой.

— Будешь себя хорошо вести — получишь конфетку... *сосательную!* — тем временем гадко прогнусавил ещё один, сладострастно подёргивая иссиня-чёрными хлопьями мрака.

— Уж лучше молчи, сосунок! — угрожающе прошипел, свиваясь в кольцо, особенно плотный комок всё приближающейся темноты.

... иже еси на небеси...

Теперь клубящийся морок начал колыхаться размеренными волнами, словно слегка упорядочиваясь, входя в синхронный ритм с моими безмолвными словами.

— Да *тут* я, — громким шёпотом донеслось из него.

— И я, — низко хохотнул ещё кто-то незримый.

— Я тоже, — кокетливо хихикнул писклявый голосок.

— ... и не беси! — добавило шипящую угрозу нечто, очевидно, особенно мерзкое.

Но кажется, часть тьмы стала менее чёрной, начала словно чуточку сереть. Вот это-то меня как раз особенно обнадежило. И я поспешно продолжил куда более уверенно.

... да святится Имя Твоё,

да придёт Царствие Твоё...

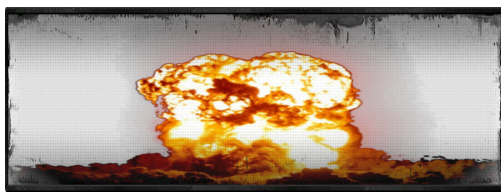
— Придёт-придёт, — согласился громко шепчущий голос, охотно исправляя произношение на букву «ё».

— Май-ё-о! — протяжно рывкнул, беспардонно перебивая, одновременно с ним другой, более низкий.

— Нет, моё! — тут же возмущённо взвизгнул высокий голос.

— Наш-ш-ше... — словно сквозь ощеренные зубы довольно зашипел ещё кто-то, окончательно подводя черту под любым возможным сомнением.

Но, не обращая особого внимания на всю эту бредовую какофонию, я непоколебимо продолжал.

... да будет Воля Твоя...

Внезапно начавшая вроде бы светлеть тьма резко расступилась, из неё вынырнуло нечто блестящее полированным стеклом, быстро приближаясь. Темнота тут же плотно сомкнулась следом. Через мгновение у жалких остатков просветлённой недавней обжигающей вспышкой межи это вытянутое нечто рывком развернулось, поблёскивая аккуратными гранями, и тут же предстало предо мною во всей своей мрачной красе.

Гроб.

Застеклённый гроб. А под его прозрачной крышкой, кажется, что-то шевелилось, в основном плавно перетекая с места на место, разве иногда,²⁸ по углам слегка конвульсивно подёргиваясь. Тьма, морок — очевидно, такой же, как и тот, из которого он выплыл...

— *Моя* здесь воля, *только моя!* — в наступившей шаткой тишине со скрипом донеслось изнутри.

И крышка гроба начала открываться.

Это было слишком. У меня даже не было малейшей возможности прочертить вокруг себя некий спасительный круг мелком, а куцые остатки просветлённой вспышкой оградительной межи таяли на глазах. К тому же я всё сильнее задыхался, был всё так же недвижим и вообще абсолютно беспомощен. Окружающим меня порождениям кошмара даже не было нужды звать себе в помощь некоего мифического Вия, чтобы заметить меня. Разве, по крайней мере, пока что, не видать было ни упырей, ни вурдалаков, ни ещё какой подобной типично-сказочной нечисти.

Только неумолимо приближающаяся многоликая тьма, будто в насмешку неспешно свивающаяся в изысканно-хитрые клубки. Да ещё чёртов стеклянный саркофаг, чтоб ему, похожий на последнее пристанище вечно живого голубого дружка всех, мать их, коммунацких²⁹ выблюдков.

Я безумно хотел только одного: вырваться из этого кошмара и бежать без оглядки, но не мог. Никак не мог. Не представлял даже, каким образом подобное можно совершить вообще. Ужас и отчаяние безраздельно владели мною. Лишь некая особая часть меня, обычно вялая и неприметная, а теперь относительно подвижная, пусть и словно бы замурованная где-то глубоко внутри, — грубо говоря, пресловутая душа́ моя, беззвучно стеная, рвалась и металась, будто рассыпая вокруг незримые крохи-маячки надежды;³⁰ но всё равно никакого улучшения ситуации ничуть не наблюдалось.

28 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

29 Суржик. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

30 В оригинале запятая вместо точки с запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— ... го теряем, — далёкий приглушённый голос, чудом пробиваясь через незримые, но, кажется, всё более плотные ватные слои, вновь донёсся до меня. Откуда-то *извне*. Откуда-то *очень* издалека. Ну, из очень далёкого «далёко» — *недостижимо* далёкого.

И тут тьма приблизилась вплотную, окутывая со всех сторон. Нет, я вовсе не собирался сдаваться и погружаться в неё. Это *она нырнула в меня*.

2. Пробуждение типа

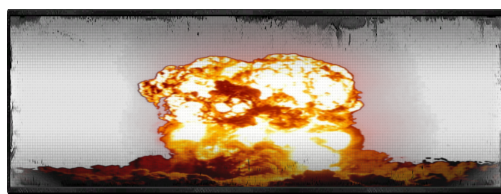
Рывком вскочив, я словно бы вынырнул из небытия. Боль и страх тут же отступили, оставив по себе лишь призрачное воспоминание, сумрачное марево.

Сон, чёрттов кошмар — вот, что это было, — отдышавшись, с облегчением понял я. Но тут тень ушедшего, было, страха вновь начала сгущаться — мне привиделось, будто возле меня опасно накренились укрывавшиеся во мраке полуобрушенные горы, странно замер изуродованный непонятно чем водопад и ещё подозрительно колыхались торчащие во все стороны стволы могучих сосен.

— Вид у тебя такой, будто только что в плену у «правосеков» побывал, — недобро ухмыльнулась гладко выбритая физиономия незнакомого типа, склонившегося надо мною. Его водянистые глаза с любопытством взирали на меня, не мигая.

подавив готовый вырваться из меня крик и тревожно оглянувшись, я увидел раскуроченное помещение, стены которого некогда были оклеены фотообоями, однако аляповатые бумажки эти ныне бесформенно свисали оборванными лоскутами. В просветах между этими жалкими оборванцами можно было рассмотреть иных — двуногих прямоходящих приматов. Очевидно, стены данного кирпичного здания были разворочены взрывом и посечены осколками, в результате чего внутри и снаружи образовались кучи строительного мусора. Ни окон, ни дверей как таковых не было заметно вообще, но на месте двух ближайших ко мне стен оставались высоченные (от загаженного пола до частично обвалившегося потолка) покатые завалы, а потому оные наверняка всё же имели место некогда здесь присутствовать.

Вообще комнатка была небольшой (не больше пятнадцати квадратных метров, по крайней мере, более-менее уцелевшая её часть), а я занимал единственную металлическую кровать с панцирной сеткой — всё, что можно было однозначно распознать из мебели. Хлопья пыли кружились в потоках солнечных лучей, врывающихся через неровные трещины между бумажными останками отретушированных природных ландшафтов и один огромный вертикальный пролом в добрые полтора метра шириной, который начинался посередине потолка и углублялся под вздыбившийся деревянными досками пол.

За самой дальней от меня стеной курили и переговаривались какие-то совершенно незнакомые мне типы с отвратительными харями типичных гопников. Всегда ненавидел такие рожи, с далёкого детства.

— А вообще ты молодец, паря, — сквозь хитрый прищур ободряюще усмехнулся, демонстрируя большие ровные зубы, внимательно наблюдавший за мною незнакомец. Этаким архетипичный добрячок былых времён с лошадиным оскалом — разве куцей козлиной бородки и красной ленточки в лацкане пижонского пиджачка не хватало. Хотя полосатая «георгиевская», пусть и грязная, и потёртая, торчащая из крепления старой разгрузки, всё же чуток обнадеживала. Но, несмотря на всю эту показную видимость, ничего действительно доброго в нём я так и не заметил. — Не упускаешь свой шанс разнести кое-кому жбан.

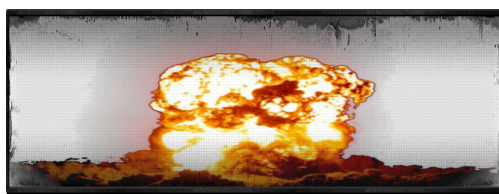
— Ты это о чём? — хриплым полушёпотом отозвался я, смутно припоминая бесноватого чувака в тельняшке. И, заодно вспомнив старую истину про то, что *лучшая защита — это нападение*, более громко добавил: — И кто ты вообще такой?

— Оп-па, — кажется, искренне удивился незнакомец, хотя его картинно вскинутым бровям лично я ничуть не поверил: — Нехило ж тебя контузило.

— *Контузило?* — абсолютно искренне удивился я, сию секунду припомнить что-либо ещё и походя ощупывая свою голову, которая на диво совершенно никак и нигде не болела. Даже бегло осмотрев и ощупав самого себя целиком, я не нашёл никаких признаков ранений или травм. В принципе, ничего достойного беспокойства или даже особых подозрений. Шмотки, правда, одетые на меня, были какие-то слишком уж старые и потрёпанные, да и вообще форма одежды практически незнакомая мне. К тому же смутные воспоминания об ушедшей из-под ног земли оставались для меня теперь неким полубредовым маревом, нечётким и сомнительным, как и всякие там уродливые морды, жуткие хари и бессмысленные вопли.

Снаружи гнусаво заржали. Наконец, вдоволь насмотревшись на мои манипуляции и мимику, с ухмылочкой толи презрительной, толи завистливой, мужик с лошадиными зубами изрёк:

— Я тут, живчик ты наш, за порядком слежу, если запомятовал, — соблаговолил пояснить незнакомец, а потом добавил с лёгкой тенью несомненной угрозы: — От моих докладов зависит мнение нашего доброго руководства обо всех и каждом здесь. — И, очевидно, различив на моём

лице некие признаки недопонимания, подытожил, разбавляя речь подобием шутки: — Можешь звать меня Комиссар³¹, Политрук³² и даже, если угодно, просто Ваше Благородие.

Снаружи снова громко заржали, очевидно, чему-то своему, ну очень развесёлому.

Мне было не до смеха. Ну вот совершенно не смешно. Думаю, именно потому, что я его слишком хорошо понял. Проще говоря, это был чёртов смотрящий, он же тупо надсмотрщик, в общем, одновременно стукач и вертухай — два в одном, как в ублюдочной рекламе. Ну, типичный такой представитель немаловажной прослойки между сливками нашего почтенного общества и самым его ничтожнейшим дном. В его прищуренных водянистых глазёнках я, естественно, был мелкой придонной живностью, которую он, на своё усмотрение, понемногу вылавливал и пожирал.

Уж не знаю, с какого перепугу все эти красочные детали чёткого понимания моего положения столь явственно предстали предо мною во всей своей исчерпывающей полноте и, так сказать, изощрённой красе. Возможно, последствия той самой, помянутой им, контузии.

— И долго я был в отключке? — как можно более будничным тоном поинтересовался я, стараясь не думать больше ни о чём лишнем, чтобы случайно не ляпнуть чего такого, из-за чего придётся потом жалеть. Причём, как уж повелось в подобных ситуациях, жалеть долго и больно.

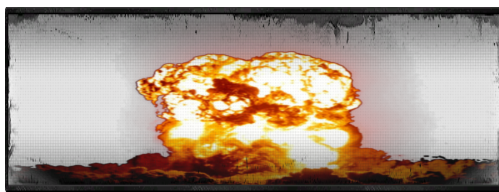
— Совсем недолго, — пространно отмахнулся назвавшийся *Комиссаром* и тут же, всё с тем же лукавым прищуром, добавил: — Или всё же слишком долго — это смотря, с какой именно стороны посмотреть.

— Ясно, — безразлично ответил я, надеясь на то, что в ближайшее время мне всё же удастся улизнуть из-под присмотра этих прищуренных гляделок, причём цельным куском своего контуженного организма, так сказать.

Приподнявшись, я покачулся от лёгкого головокружения и поспешно ухватился за скрипнувшую металлическую спинку старой кровати.

31 Комиссар (франц. commissaire, от средневекового лат. commissarius — уполномоченный, ответственное лицо) — руководитель с общественно-политическими или административными полномочиями; в данном случае, очевидно, подразумевается военный комиссар, т. е. представитель Коммунистической партии в частях (на кораблях), учреждениях, соединениях Вооружённых Сил в период (с перерывами) 1918-42 гг. (также см. 32). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

32 Политрук (политический руководитель) — приравненное к командиру должностное лицо в ротах, батареях и иных подразделениях Советских Вооружённых Сил в период (с перерывами) 1919-42 гг., выполнявшее политическое и воинское воспитание личного состава; помощник военного комиссара (см. 31) в проведении в армии политики Коммунистической партии и правительства. В виде замены должностью заместителя командира по политической части эта должность существовала в 1942-67 гг. (с перерывами) и с 1967 г. осталась в ротах, батареях, эскадрильях, боевых частях кораблей и равных им подразделениях. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Не торопись, везунчик, — ещё шире растянулся в плотоядной ухмылке *Политрук* и заботливо-предупреждающим тоном прибавил: — А то успеешь!

— Каков приказ? — перейдя на официальный тон, постарался покончить со всем этим опасным балаганом я.

— Такой же, какой и раньше, — пожало плечами *Ихнее Благородие*. — Не отступать и не сдаваться, уничтожать заклятого врага беспощадно и всеми способами, а главное: не пропустить подлых захватчиков вглубь нашего Великого Отечества!

— Так точно, — поспешно согласился я, про себя обдумывая определённые странности в этих новых формулировках агиток, которые пренебреженно следовало старательно запомнить, осторожно уточнить и, при случае, тщательно процитировать.

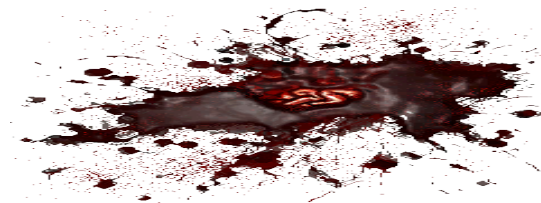
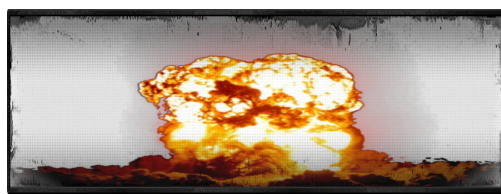
ГЛАВА 5. ОПЕРАЦИЯ

1. И станет город-ад

— А вот ещё цитата, — разворачивая местную газету, заявил тип с уродливым шрамом в полголовы, тянувшимся от середины покато́го лба до основания че́репа за оборванным правым ухом. — «Киевская “Хунта”, не смотря на негодующие протесты общественности, приняла на вооружение ВСУ новые, теперь уже летающие боевые дроны, первые образцы которых были представлены полгода назад на выставке в Объединённых Арабских Эмиратах. Система управления этих дронов похожа на ту, которая уже два го́да как применяется в их “мини-БТРах”, использование которых официально признано Генпрокурором РФ, а также прокуратурами ДНР и ЛНР преступным нарушением международных договоров и конвенций ООН. Ведь основная система управления подобными адскими машинами работает по шифрованному радиоканалу, который легко можно заглушить, а контрольная, она же резервная, использует старую “пиндосскую” спутниковую систему GPS, которая, как всем хорошо известно, не отличается ни высокой точностью, ни достаточной стабильностью, в отличии от новейшей ГлоНаСС. Но³³ что особенно беспокоит мировую общественность, так это наличие полностью автономного модуля управления, способного не только действовать согласно заранее заложенным в него инструкциям, но и принимать самостоятельное решение на открытие огня. По заявлениям военных специалистов, подобные дроны способны взять на борт порядка трёхсот килограммов полезного груза, при этом подниматься на высоты около пяти километров и имеют дальность прямого полёта не менее двухсот километров. Зная подлость карателей, можно не сомневаться, что и эта техника апокалипсиса вскоре будет использоваться для бесчеловечного уничтожения мирного населения Новороссии.»

— Фигня! — уверенно заявил один из слушателей, почёсывая реденькую рыжую бородку. — Несколько лёгеньких ПЗРК — и отлетаются все эти дроны нах...

33 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да долбануть «Точкой У» по ним по всем — и даже не взлетят! — заявил, как отрезал, высокий тощий тип с горбатым носом и чёрной недельной щетиной, недалёкая физия которого показалась мне смутно знакомой, как, впрочем, и гадкая крысиная морда рыжебородого.

Парочку бравых комментаторов с энтузиазмом поддержали остальные присутствующие, разразившись громким ржачем.

— Ага, — с нескрываемым сарказмом в голосе произнёс вдруг один из только что подошедших потрёпанных пуще присутствующих типов. — Мужики воют, а бабы всё сплетни разводят.

— Слышь, ты, чурка бóрзая, — взвился тощий дылда, гневно брызжа слюнями. — Я...

— Оп-па, — перебил его рыжебородый, заметив меня. — А вот и везунчик оклемался.

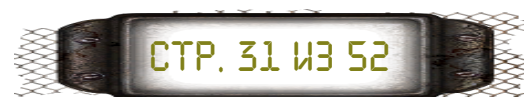
В ответном приветствии я поднял кверху открытую ладонь, заодно прикрываясь ею от слепящего солнца, под обжигающе-яркие лучи которого неторопливо выбирался через полутораметровый пролом.

Открывавшаяся мне картина руин и запустения впечатляла. Впечатляла существеннее, чем виденный мною на агитационных картинках «скелет» раздолбанного за месяцы массированных стараний местного аэропорта с разорёнными гнёздами киборгов залётных, издали чем-то подобный выброшенному на покрытый бетонкой берег гигантскому киту, причём в окружении относительно мелких трупиков сородичей. Тем более с увиденным ныне не шли ни в какое сравнение жалкие ошмётки азиатского авиалайнера-труповоза, подло сбитого толи СУшкой «укропа» Волошина, толи НЛО с зелёными че... то есть с серыми «майданутыми» пришельцами-«рептилоидами».

Да уж... Вздыбившийся взрывами асфальт в окружении перерытой неровными траншеями глинистой землёй. Кучи строительного мусора вперемешку с металлическими остовами бронетехники и хвостовиками ракет. Гигантские проломы в многоэтажках — некоторые настолько огромные, что казалось невероятным, как раскуроченные останки этих некогда жилых зданий вообще ещё стоят. Ну и, конечно, скинутые кое-как и где попадая бесформенные горы трупов и оторванных частей изувеченных тел. Что ни говори, а просто-таки невероятное количество разнообразных останков. И всё это — на километры вокруг, насколько хватало взгляда.

Но белее всего меня, конечно же, печалило полное отсутствие призывных транспарантов, красочных рекламных панелей и хотя бы повязанных повсюду щедрыми пучками полосатых ленточек. Вот это ужé не просто угнетало, а ощутимо напрягало. Складывалось впечатление, что в напрочь освобождённом городе углекопов давно никто не наводил

положенного порядка. На какое-то мгновение мне пригрезилось, будто наш мир вокруг вообще вымер — не видно ни двуглавой птицы, ни криволапого зверя, ни даже недочеловечка какого (за исключением стоящей непосредственно передо мною обшарпанной группки да опасно хитрого типчика позади).

Вскоре, правда, мне удалось-таки рассмотреть вялое движение вдали. Образцово-показательно избитые работяги из числа местных (под чутким надзором бравых конвойных) старательно (под угрозой неминуемой кары) силились придать этому прочно установившемуся хаосу некое подобие упорядоченности. Тощий вид прикрытых лохмотьями подневольных трудяг этих, как ни странно, вызвал во мне секундную слабость.

Точно последствие контузии, — догадался я. Ведь ранее никаких признаков сожаления о чём-либо или по ком-либо, а тем более сочувствия к «освобождённым» я не испытывал никогда.

Зато на их фоне наше изношенное обмундирование выглядело если не парадным, то, как минимум, вполне пригодным к дальнейшему использованию. Хотя всё равно довольно странно было видеть вроде бы новейшие «сотые» АК³⁴ настолько заюзанными, словно это были какие-то древние «сорокседьмые», чуть ли не середины прошлого столетия.

— Раз такое дело, братва, — торжественно заявил один из присутствующих, выуживая из своего «сидора» угловатую трёхлитровую бутыль с коричневато-желтоватым содержимым и без признаков какой-либо этикетки, но с явными симптомами благородного импортного происхождения. — Подлечиться надо! И воздать хвалу *святому* Гундяеву и *отцу* Путину —³⁵ за то, что ни одному «бандерлоговскому» сукину *сыну* за пять лет так и не удалось навредить нашему великому *духу*.³⁶

«Пять лет?!» — хотел³⁷ было³⁸ вслух удивиться я, прочее бравурное пустотрёпство привычно почти полностью пропуская мимо ушей.

Но тощий дылда удачно опередил меня:

— А *этот*, — мстительно ткнул он во след благоразумно удаляющемуся не в меру саркастичному незнакомцу, который недавно выражал своё недовольство разведением сплетен: — пусть идёт нах! ...

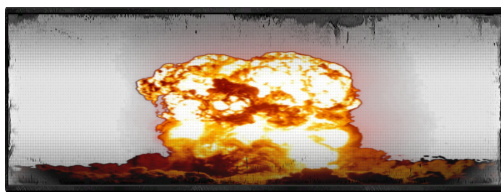
34 Подразумевается модернизированная в начале XXI века серия автомата Калашникова (производятся на ОАО «ИжМаш»), на международных рынках рекламируемая как «Black AK». Первые модели этой серии (полноразмерный АК-101 и компактный АК-102) начали изготавливаться под калибр 5.56×45 NATO (. 223 Rem), позже появились обновлённые вариации в калибрах советской группы 39-й гильзы (полноразмерный АК-103 и компактный АК-104 под 7.62×39, а также компактный АК-105 под 5.45×39). АК-107 калибра 5.45×39 и АК-108 калибра 5.56×45 NATO (. 223 Rem) — самые последние представители семейства (разрабатываются с 2011 г., но до сих пор имеют изрядные проблемы, в том числе и касательно нарушения некоторых патентов), которые отличаются так называемой сбалансированной механикой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

35 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

36 Ага, молитва и причастие по-лугандонски или, скорее, по-лилипутински. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

37 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

38 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Охотно согласившиеся с ним оставшиеся собеседники поочерёдно приложились к ёмкости целебного снадобья. А потом ещё, и ещё, и ещё... Вскоре мы все, каждый в своей мере, «подлечились» и повеселели, а кое-кто даже успел проблежаться. Их грозные могучие потуги, уверен, наверняка могли расслышать даже запуганные постовые «укропы» где-то совсем вдали.

2. Предатели

— А я вот слышал, что эти злобные ублюдки повадились своих благоразумных командиров, которые всё ещё пробуют приказывать им *«держаться и огонь не открывать»*, тупо без нифига отправлять бродить по минными полям, — припомнил один из глубоко «прогревшихся» вроде как импортным алкоголем.

— Это ещё что! — отозвался другой. — Недавно одного своего генерала, вроде бы, вообще его же солдафоны-беспредельщики повязали — и сдали в военную прокуратуру. Причём ещё и с ультиматумом: мол, если не получит пожизненного как предатель, мы и вас всех заодно военно-полевым судом того...

— Да-а, стукачи, мля... А-азверели, с-сучары! — протянул длинный тип. — Но мы их скоро погоним далеко-о, аж до о... и-ик! кеана...

— И даже дальше, — поправил с авторитетным выражением на лице рыжебородый.

— Точно-точно, — согласно закивали остальные «прогретые» почти до свекольного цвета физии.

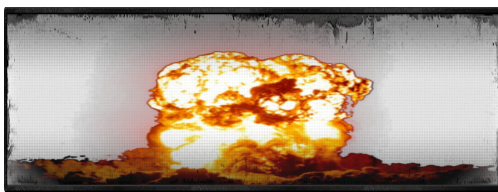
Я, естественно, кивал с остальными чётко в такт — как и положено. Вот только из-за этого у меня сильнее начала покруживаться головешка, так что я резонно решил отправиться проветриться —³⁹ слегка прогуляться по «освобождённым» окрестностям, так сказать, заодно (в соответствии с геройским настроением) чуток попинать кое-кого из зазевавшихся «освобождённых» раб... раб... о-о! ... тяг.

В свою очередь проблевавшись, я душевно обматерил явную «палёнку» и тут же различил неподалёку присевшего на крупном обломке железобетонной плиты чудика — того самого, который недавно самоуверенно возмущался от имени всех мужиков. Только нехилая потёртая «волына» с подствольником у него под боком помешала мне проявить тут же своё геройское настроение в полной мере.

— Слышь, брателло, — тем временем обратился ко мне этот борзило. — Ты ж это, даром, что контуженный, наверняка ещё не до конца «втянулся» — по роже вижу!

Я лишь непонимающим взглядом осоловевших гляделок молча уставился на этого не в меру говорливого чудилу. Рисковый, однако, парень, невольно восхитился я. И поспешно напомнил сам себе, что таковые, как

39 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

правило, долго не живут. Да уж, похоже, задержался этот говнюк как-то больше всякой меры. А теперь вот и меня задерживает... Ну, то есть меня-то в хорошем смысле задерживает, конечно.

— Короче, — продолжил тот. — Тут хрень какая-то совсем бредовая — я уж и счёт времени потерял: вот, посмотри, даже в газетках местных пишут день и месяц, а вот год-то как раз и не указывают никогда! — потёртым и потрескавшимся берцем пнул он смятый комок, который тут же покатился похабным зигзагом по трещинам асфальта. — Вот какой нынче, по-твоему, год, а? Сколько мы все здесь вообще? Ну, что призадумался-то? И сам не знаешь толком!

— Ну, я ж после контузии как бы, — замялся я, самому себе стараясь объяснить начисто выпавшие из памяти добрые пару лет. — А вот кое-кто что-то про пять лет такое го...

— Пять?! Тьху! — презрительно сплюнул болтливый брателло, самоуверенно восседающий на всё той же плите с покрошенными краями. — Как по мне, не менее десяти, а то и двух десятков! Когда нас в Крым направили, мне было двадцать три, ни одного седого волоска, ни одной морщинки. А сейчас — вот! — провёл он шершавой ладонью по загорелой проплешине в окружении куцых седых волос.

Я присмотрелся к нему ещё повнимательнее. Действительно, на вид ему было если не за сорок, то точно далеко за тридцатник. Возле губ и на лбу — глубокие морщины, заметна даже старчески отвисшая кожа на подбородке, у тощего кадыка. Чёрт, подумал я про себя, жизненные тяготы, конечно, старят, но не до такой же степени...

— То-то, — печально кивнул наблюдавший за моей реакцией во всех смыслах весьма подозрительный чудик. — Тут, по ходу, одни контуженные. Память всем поотшибало нафиг. Или, может, чё-то в харчи добавляют... Но это ж бред вообще охренительный! Просто-таки капец, какой бред!

— Ну да, точно бред, — невольно ухмыльнулся я своим перенасыщенным паранойей думам про последствия применения гнусными «укропами» некоего секретного «пиндосского» супероружия — толи химического, толи биологического.

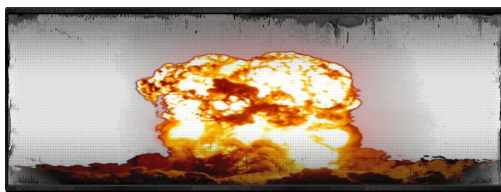
— И все эти годы, месяц за месяцем, день за днём,⁴⁰ я всё сильнее задумывался над всей этой бредятиной, над её более-менее реальной причиной, какой невероятной она не могла бы показаться, — переходя на полушёпот, продолжало откровенничать это чудило. — Ну, согласно этому... *дефективному* методу Холмса! И знаешь, до чего я додумался?

Я отрицательно покачал головой, заодно словно бы разгоняя остатки шмурдяка.

— А вот до чего, — заявил, выкатывая на меня буквально безумные глаза балабол. — Война — это ад, но *эта война — это ещё не ад!* ...

Вот тут-то я, ошавев от очередной версии на диво многозначительно непостигнутой и одновременно поразительно знакомой формулировки, заинтересовался и начал внимательно вслушиваться во всё, что далее понёс

40 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

этот триндун. Не в детали и нюансы, конечно, но именно в общий смысл, то есть старательно следил за пресловутой нитью повествования — часто призрачно-тонкой, почти неуловимой. Впрочем, кое-что (особенно феерично-бредовое) силился даже запоминать дословно, вот только алкогольные пары, назойливым роем всё ещё гудевшие под сводами моей вроде как контуженной черепашки, мешали выполнять эту ответственную задачу надлежащим образом.

— ... не только изложить по существу, чётко, ёмко и внятно, но ещё и оформить надлежащим образом, — завершил произнесённую специально для меня свою долгую тираду чёртов бюрократ с водянистыми глазами.

Я безразлично пожал плечами и, присев у длинного обломка доски, положенного прямо поверх ржавой металлической сетки, принялся каракулями выводить на выданном им специально для меня типовом бланке полагающийся чёткий, ёмкий и с некоторых пор,⁴¹ конечно же,⁴² вовсе не анонимный доклад, который должен был засвидетельствовать обоснованность подозрений в измене и, как минимум, про необходимость тщательной проверки означенного субъекта. А ещё внизу следовало не забыть разборчиво приписать, как и велел мне только что велеречивый Комиссар, что с ответственностью за ложный донос я ознакомлен в деталях, полностью с её необходимостью согласен и все заслуженные последствия с готовностью принимаю. Скотство, конечно, но кому сейчас легко? Вот, понимаешь, нашёл для себя удачный повод выслужиться перед Отечеством, а теперь как бы и отступить поздно.

— Вашество! — беспардонно ввалился в пролом импровизированного кабинета какой-то ретивый служака, но, встретив чуть нахмуренные брови именуемого также Политруком, мгновенно запнулся и молча громко сглотнул слюну, робко ожидая разрешения продолжать.

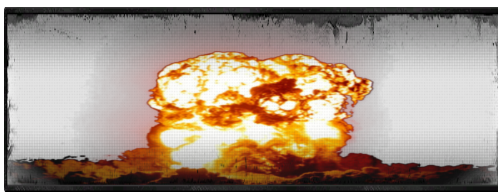
— Докладывай, — благосклонно позволил после полуминутной паузы известный ещё и как Его Высокоблагородие, ну, или как-то так.

— Докладываю, — шумно выдохнув перегаром, поспешно ответил незвано прибывший незнакомец. — Эти засранцы просят добавку — каждому по два «пузыря» или хотя бы «фунфырика», с понтом, для «перед» и для «после»! Оборзели, мандавошки, говорю, а они — надо, мол, обязательно, а то север от юга ху... х... ну, хрен не отличить и того гляди снова...

— Понятно, — прервал, поднимая великонатруженную ладонь свою Комиссар. — Пусть выдадут им по одному стограммовому — и хватит, а если снова недолёт или, как недавно, по гаражам соседним отстреляются, то вообще все «фунфырики» возверну назад, даже только-только ими выпитые

41 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

42 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— понял? — в ответ на красноречивый жест всё той же великонатруженной ладони поперёк живота ввалившийся в помещение незнакомец поспешно утвердительно закивал. — Вот и *им* так же и скажи.

— Й-есть! — отчеканил прибывший и мгновенно ретировался, обернувшись тем самым на отбывшего, пусть и не безвозвратно, чему он сам был, конечно же, весьма рад.

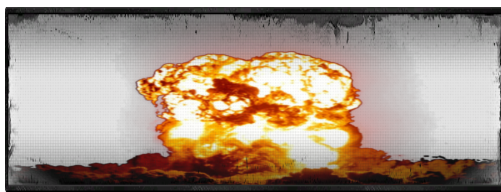
Не дожидаясь, пока доброе Его Сиятельство изволит обратить свой пристальный взор на меня, на великогрешного, я старательнее заскрипел по выданной мне официальной бумаге. Но уже вскоре буквально загривком ощутил его гнетущее дыхание. Прервавшись, я неторопливо размял отвыкшие от писанины пальцы и как бы невзначай оглянулся. На диво довольная физия Его Сиятельства, Высочества и вообще чуть ли не Святейшества оказалась в какой-то паре сжатых кулаков от моей. Невольно мне захотелось съездить по ней хотя бы разочек... Но я был тёртым перцем, а потому давно научился (при необходимости) без особых усилий сдерживать подобные полезнейшие (в прочих случаях) позывы.

— Я тебя сразу заприметил, — признался вдруг Комиссар, не мигая оглядывая меня чуть слезившимися глазами. — Ты-то вовсе не за какие-то там «фунфырики» стараешься! Готовься, вполне вероятно, что скоро примешь участие в весьма ответственной операции.

Я молча утвердительно кивнул в ответ на выказанные мне честь и доверие и, поспешно вновь отводя глаза, торопливо дописал... Ну, именно что *дописал* — с ударением на «а» то есть — остатки судьбоносных строк. Хотя, следует признаться, отлить мне нынче хотелось просто-таки нестерпимо. В конце-концов, кому-то именно после этой писанины реально не поздоровится. Но главное, конечно же, чтобы никак не мне!

... После «подвальчика», где-то перед самым закатом, тщательно допрошенного болтуна расстреляли — просто и эффективно, по классике, в затылок. Можно сказать, легко отделался, а главное — на диво быстро. У меня буквально полегчало на душе. Как всё же хорошо жить в нашем мире!

Погружаясь в полудремотное состояние, мне почудился подозрительно сильно приглушённый голос, из неразборчивой встревоженной речи которого я распознал лишь отдельные невразумительные слова, да и те, похоже, лишь частично: «... *излияние*», «... *авление*», «... *ромб*», «... *рацию*» ...

ГЛАВА 6. ПЕРСПЕКТИВА

1. И нету покоя

Перевязанная чёрной изолентой старая треснутая рация изрыгала громкие проклятия и жуткие угрозы, перемежаемые змееподобным шипением аналоговых радиопомех. Было в этих звуках что-то тревожно знакомое, словно внезапно поднявшаяся мутная взвесь откуда-то из оставленных давно позади мрачных глубин того, что пространно и бессмысленно именуется «подсознанием». Я же давно кличу подобное проще и понятнее: хрень бредовая.

В принципе, оным образом можно было бы называть всё, что случается со всеми нами. Можно даже сказать, что *хрень бредовая* — это апофеоз нашего бытия, всего нашего мира. К тому же хрень бессмысленная и беспощадная. Впрочем, и само это пустотрёпство — тоже она самая.

Затрудняюсь сказать, сколько именно времени прошло после момента моей контузии, точнее моего прихода в сознание после неё. Иногда мне казалось, что лишь несколько дней, а иногда — долгие недели или даже месяцы. Унылое однообразие процесса выживания посередке между подлыми и злобными врагами и заботливым и добрым начальством, как ни странно, вовсе не прибавляло экстремально-притягательного качества событиям, а ужё одно только это могло бы серьёзно разочаровать многих фанатов активного времяпровождения. Лично мне всё это реально приелось давно и бесповоротно, думаю, задолго до контузии. Теперь же, словно старательно выцеживаемое поминутно, почти бесследно уходящее время буквально исчезало в некой всё такой же незримой и легендарной, но ужё удивительно ощутимой (а значит, становящейся всё более вещественной) современной вариации Лёты⁴³. Иногда я смотрел вокруг и действительно вспоминал античные мифы про мир теней. Даже сам себе я всё чаще представлялся чахлым подобием самого себя бывшего, причём с каждым

43 Лёта (греч. Λήθη — забвение) — в древнегреческой мифологии персонификация забвения, дочь богини раздора Эриды (Eris); в её честь названа река, протекающая в подземном царстве (в царстве мёртвых); души умерших, отведав воду этой реки, забывали о своей бывшей земной жизни, всё прошлое; отсюда и выражение «кануть в Лёту» — быть забытым, исчезнуть без следá. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

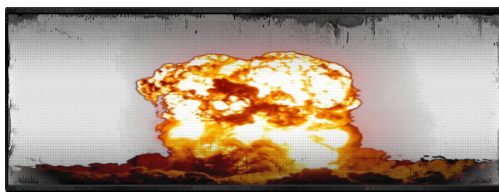
мгновением всё значительнее чахнувшим подобием. И, судя по всему, не только я ощущал нечто подобное. Иногда, вспоминая печальный облик безымянного болтуна (пусть земля ему будет бетоном — вроде того, на котором он, помнится, так любил беспечно восседать, при этом рассуждая вслух собственно обо всякой опасной хрени), я был готов принять переживаемые ощущения за признаки некоего аномального старения. Но, к вящему удовлетворению, ни обилия седых волос, ни чрезмерных залысин пока что на своей черепушке вроде бы не наблюдал.

Особенно много странностей касалось снов. Точнее их полного отсутствия как таковых. Возможно, они всё же были — не могли не быть, как утверждают специалисты в этой сфере, — однако появлялись и проходили абсолютно бесследно. Весь процесс такового своеобразного подобия отдыха сводился к некоему проваливанию в забытьё. Проваливанию настолько незаметному, что по внезапному пробуждению обычно казалось, будто его и не бывало вовсе. Вообще-то непосредственно перед этим внезапным моментом провала что-то иногда происходило. Нечто абсолютно неуловимое, казавшееся в тот момент довольно важным. Но оно исчезало, пожалуй, ещё быстрее и бесследнее, чем всё, что было до или тем паче случалось после. Возможно, именно поэтому однообразные события между неуловимыми перерывами на это подобие сна и казались бесконечным нудным бредом, который, конечно же, рано или поздно обязан был прекратиться. Вот только не было заметно никаких возможных признаков приближения его конца.

Мы постоянно высматривали сколько-нибудь неблагонадёжных в своих рядах, определяли отъявленных предателей среди серьёзно сократившегося числа местных и, конечно же, отслеживали гнусных вражеских лазутчиков-диверсантов. Как результат, посещение некоего «подвальчика» превратилось в практически регулярную часть любого маршрута, радовало, что не *крайнего*... По крайней мере, пока что. Между перерывами в этом «увлекательном» занятии иногда удавалось отдохнуть душой на свежем воздухе (можно сказать, почти на природе), шмаляя на спор по случайным мишеням. Иногда нам могло подфартить: мишени могли оказаться резво подвижными и презабавно визжащими, прямо говоря, живыми — ну, какое-то время. И уж совсем редко (так редко, что в тот момент это казалось просто праздником каким-то) нам удавалось подловить какую-нибудь полоумную сучку из местных — она, что удивительно, всегда либо казалась немой и только что-то нечленораздельно мычала, либо беспрестанно изъяснялась исключительно жуткой отборной бранью. Кое-кого это (в начале процесса, так сказать) изрядно заводило, а кое-кто (соответственно, под конец) с удовольствием вспоминал про излюбленный метод «монтажной пенки», которым рьяно принимался её «(м)учить»⁴⁴ говорить по-людски.

Но, как по мне, и это всё тоже было как-то слишком однообразно, уныло и беспросветно. Ко всему прочему, что также изрядно напрягало, разнообразные вариации на тему всевидящих и всезнающих Комиссаров,

44 В оригинале так и было: «(м)учить», т. е. «м» в скобках, что, очевидно, задумано автором.
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

Политруков и всяческих Благородий неусыпно бдели, грозно ратуя за дисциплину. Как результат, «ширка» стала некой «светлобудущной» мечтой или неясным воспоминанием из безмерно отдалённого прошлого, а «жидкий хлеб» — неимоверным дефицитом, заодно окончательно подменившим любое денежное довольствие. К слову, да, надо отметить-таки и этот момент: я не мог припомнить, когда вообще получал положенную вроде как зарплату, ну, или хоть нечто, на неё более-менее похожее. Можно сказать, для нас благосклонно прибрали лишнего посредника из любых финансовых операций — красочные фантики. О да, натуральнейший (булькающий) бартер — наше всё, аллилуйя!

Но тут вдруг случилось нечто, мгновенно вызвавшее у меня ощущение того самого *déjà éprouvé*⁴⁵, пусть бледного, но достаточно многообещающего подобия давно ожидаемого перспективного действия.

Так и не возмев ни на кого (особенно на нас) должного воздействия, точнее влияния, затасканная рация захлебнулась, закашлялась — и наконец-то сдохла. Туда ей и доро́га. Как и вопящему через неё «влиятельнейшему» горлопану. С другой стороны, у него было чему поучиться — столь изощрённо рифмовать отборнейшие матюги, причём неумоимо, безостановочно и не смотря на помехи, так это ж величайший талант надо иметь —⁴⁶ от бога, так сказать.

Ну, а наша доро́га всё так же была доро́га, и она нас всё так же на запад вела, ага. Потом, правда, сразу обратно (вот как сейчас) — дык, ведь надоть и домой-то время-от-времени возвращаться ж, передохну́ть от трудов праведных, что называется. А пока что просто-таки кайф — тишина. Редкая и долгожданная фифочка, а ещё чуток ветреная и абсолютно неверная стерва. Впрочем, на диво чуть приподнятое настроение существенно не портили ни удушливая жарá, ни вяло-назойливые насекомые, ни даже опостылевшее однообразие.

— *Вернулись, а тут неурожай!* — пошутил, цитируя давно позабытого одесского юмориста⁴⁷, чудик с совершенно незнакомой мне физией, но с однозначно узнаваемым (до испачканного исподнего) немигающим взглядом водянистых глаз.

Этих типов что, на конвейере клепают? Или клонируют в пробирках? Хотя вряд ли, ведь генетика — это вражья псевдонаука, а у нас изначально принята мичуринская метода. С понтом, получается, что они — продукт вегетативного размножения почкованием? Нет, ну в самом деле, ведь словно родственники сплошь, причём с единым переразвитым врождённым

45 Французский термин 1900 года от Флоренса Арно: *déjà éprouvé* (дословно) — «уже испытанное». (прим. [автора](#))

46 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

47 Подразумевается украинско-еврейского происхождения публицист, сатирик и юморист советских времён одессит Михаил Жванецкий. (прим. [автора](#))

инстинктом — всеми способами поближе к рулю пролезть, чтоб хоть одной ручонкой подержаться —⁴⁸ покрутить да пошуровать, блин, волосатенькой пакшей⁴⁹. Как там это местные называют, *кумовство*, кажется? Мастерá словоблудия и отпрыски рукоблудия, чтоб им, кумовья-онанисты, мля...

В общем, легко и враз испортилось настроение моё. Точнее его легко и одномоментно *испортили*. Да, этого у них у всех (профессионалов и профессоров с несколькими «фэ») не отнять — умеют, гниды! Причём радостно так подсирают, самодовольные «Петросяны» чёртовы, с залихватскими хиханьками да хаханьками. Не хватает разве экссупружеского дуэта Фили Пугачёва и Алки Киркоровой на подпевках — и стопудово были бы неудержимо громкие аплодисменты, не совсем плавно переходящие в бурные овации.

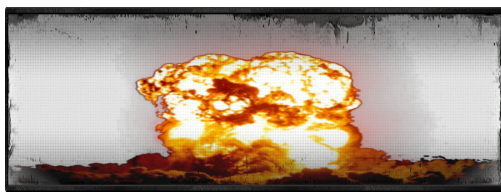
Вот уж не приложу ума, с чего бы это я так разошёлся (точно интоксикация местным воздухом приключилась)? Хорошо, хоть с детства привык мыслишки свои — особенно *такие* вот — прочно держать при себе. Пока я без поспешности переводил дыхание, выравнивая стаккато пульса в ушах, грозящее в любой момент перейти в автоматическую стрельбу по задолбавшим меня (на зависть многим, жутко живучим) «великим» плюгавым целям, основная фаза провоцирующего на резкую деятельность неожиданного события, кажется, подходила к завершению. По крайней мере, я на это надеялся.

Поспешно, но выразительно оттрюндев заскорузлую банальщину в стиле «*верной доро́гой идёте, товарищи, чётче чеканьте семимильный шаг на разъё... раздолбанной колее к светлому будущему*», заодно вскользь помянув нечто про наши «*фантастически непобедимые аэрокосмические силы, гордо бороздящие просторы “Останкино”*», низкорослый типчик с водянистыми глазёнками (точно у некоего полумертвяка, нашёл вдруг я нужное сравнение, *словно в сценке из фильма треклятого «бурито-пиндоса» Ромеро*) со спины поклат мне руку на плечо и, будто в непревзойдённо красочной семнадцатисерийной классике отечественного победоносного мифотворчества, медоточивым тоном многообещающе заявил, не мигая уставившись прямо на меня:

— А вас попрошу остаться.

48 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

49 Пакша (уголовный жаргон) — рука. (прим. автора)

2. П(а)лата⁵⁰

— Сказал «а», говори и «б»! — на диво разборчиво, не смотря на постепенно тающие признаки знакомо-ватной изоляции, донёлся до меня требовательный голос.

— А что не ясно-то? — возмутился другой голос, тоже всё ещё приглушённый и в то же время довольно разборчивый. — Скольких наших полегло — кинули, подставили, не смогли спасти, а этого...

— Во-первых, тебе ж сказали: ни документов, ни отличительных нашивок каких-либо при нём не было заметно, — начал приводить, как ему, очевидно, казалось, резонные доводы первый голос, глухо ноющим резонансом отдаваясь своей размеренной речью в моей воздушно-лёгкой, будто даже пузырящейся некими газообразными эманациями голове. — Зато чётко видели, как он разнёс...

— То есть если кто-то допустил ошибку, прямо скажем, *лажанулся*, — резковато перебил его всё такой же незримый, но зато всё лучше слышимый собеседник: — то теперь ситуацию исправлять не надо?

— *Исправить?* Как? — картинно удивился первый голос. — Подушкой его удавить предлагаешь, что ли?

— Тоже вариант, — судя по тону, усмехнулся второй, а в ответ на это его заявление незамедлительно раздалось многозначительное фырканье. Очевидно, ничуть не смутившись, тот продолжил, похоже, резко меняя тему: — Вот ты зачем на «Майдан» пришёл, а?

— Я ж говорил уже, — толи удивлённо, толи даже немного раздражённо ответил первый голос. — Чтобы...

— ... *служить и защищать*⁵¹, ёпт! — совершенно беспардонно перебил его собеседник.

— Ну, можно и так сказать, — с лёгкой неохотой согласился тот.

— Но ты ж не хуже меня уже тогда прекрасно понимал, что мы *давно реально оккупированы* — закрепившимися у власти уркагано-коммуняками⁵², разве нет? И потому *резня* — так или иначе, раньше или позже, в большей или меньшей мере, — но *будет обязательно*, правильно ведь? И что всякая «великобратанская» погань положением пренебреженно сумеет воспользоваться, как всегда, нам во вред...

— Можно и так сказать, — был поспешный согласный ответ всё тем же тоном, в котором, впрочем, всё явственнее обозначался призрак старательно придавленного если не раздражения, то нетерпения — точно.

50 В оригинале так и было: «П(а)лата», т. е. первая «а» в скобках — оставляю, очевидно, так задумано *автором*. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

51 Девиз американских полицейских. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

52 Суржик. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Во мне тоже начало нетерпеливо возрастать раздражение из-за услышанного — как-то это всё было подозрительно, мягко говоря, провокативно-подстрекательски обставлено, как минимум, наверняка умышленно спланировано.

— А вот я вышел из-за обиды! — заявил второй голос, несколько удивив, кажется, не только меня (в ответ ему снова раздалось фырканье, на этот раз немного саркастичное). — Да-да, — незамедлительно подтвердил он. — Именно из-за обиды и даже из-за нанесённого лично мне оскорбления — ведь и меня эти выродки всерьёз вознамерились приравнять к быдлу, то есть даже не просто к быдлу, а вообще к отборнейшему и отвратнейшему из любого известного мне рода быдла — к быдлу кацапо-коммуняцкому, ну, к homo, мать его, soveticus! И заметь, приравнять окончательно и бесповоротно, перекрыв, что называется, даже призрачный шанс на отдушину... — и вдруг говоривший слегка закашлялся, будто поперхнулся (ну точно слюнями своими ядовитыми — догадался я).

— Иначе говоря, обидчивый ты наш, — воспользовавшись моментом, прокомментировал услышанное первый голос. — Ты к нему сейчас испытываешь нечто вроде ревности, так что ли? А притчу про блудного сына забыл, получа? ...

— Какой нахрен?! — нетерпеливо сорвался второй голос, но тут же сбавил тон, сохранив, впрочем, отчётливый желчный оттенок. — Не путай грешное с праведным, если уж на то пошло. Это вовсе мне не брат, как бы оно себя хитрожопо не обзывало. Тем более, что припёрлось оно вовсе не с покаянием, и уж тем более не в дом отеческий!

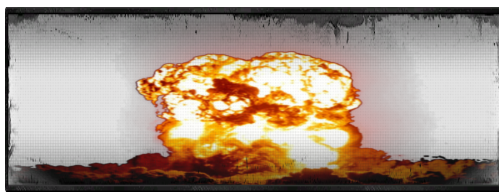
— Ладно, согласен:⁵³ не к месту я это ляпнул, — примирительно ответил первый, тем самым постаравшись буквально вырвать остатки инициативы, но как-либо развить её собеседник ему всё же не позволил.

— Короче, — провокативно заявил вдруг тот, и этот резкий голос его болезненным эхом бил мне по барабанным перепонкам: — ты теперь тоже, получается, меня, как и всякие... ну, с этим вот приравниваешь, получается? Но у них-то, как-никак, клятва Гиппократы и всё такое, а у политиков да чинуш — просто очередной повод для халявного (для них) пиара... А вот тебе-то в чём резон, а?

Последовавшая за этими вопросами пауза начала томительно затягиваться. Я вяло пережёвывал услышанное (точнее, силился хоть что-то уразуметь в этой несусветной белиберде), постепенно всё сильнее склоняясь к идее банальной провокации или чрезмерно чёткого бредового сновидения. Смысл и конечная цель, впрочем, что первого, что тем более второго для меня всё равно оставались загадкой.

— И во-вторых, — воспользовавшись довольно затянувшейся паузой, подчёркнуто размеренным тоном продолжил гнуть свою линию первый голос, пуще прежнего подпитывая мой приступ паранойи: — заложников-то всё равно надо на кого-то менять, если уж освобождать иными (более эффективными) способами всё ещё непозволительно.

53 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да кому он *там* теперь нужен-то? — в свою очередь фыркнул в ответ второй, всё так же болезненно хлюпая своими словами в моих ушах. — Отработанный материал — и только! Это у нас тут его на вертушке покатали, аккуратно подлатали да подправили, а теперь вот ещё будут откармливать да выхаживать, как на курорте... А *там*...

Первый прервал явно недовольного типчика, в иной стилистике продолжив вместо него раздосадованно-горестную речь:

— А *там* — пусть ещё не ад, но репетиция с каждым разом всё убедительнее, — ещё более изысканно принялся пояснять свою позицию явно склонный к многосложным словопостроениям говорун, очень уж сильно напоминая своими словами мне нечто, что буквально крутилось на краю моей словно бы затуманенной памяти, но почему-то никак не представало в чётком облике. — И, как ни крути, *что в аду, что в каком-либо его подобии ни для кого жизни нет и быть не может в принципе*.

— Не смеши белые тапки! — снова болезненно резко фыркнул второй голос, своим безыскусным юмором чем-то отдалённо напоминая мне всяких «их сиятельств». — «Ад», «репетиция» — всё фигня. Обыкновенная зона — зона беззакония и бесправия. А вот как раз зона — это самая обычная среда обитания для всех этих...

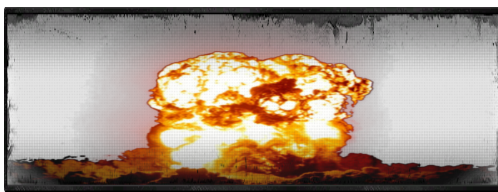
Грохот и звон внушительной связки ключей вырвал меня из смутной полудрёмы. На какое-то мгновение мне окончательно представилось, будто это действительно было то самое, неизловимое и практически несуществующее с некоторых пор *сновидение* — ну, или некое *снослышание* — его бледноватое, но убедительное подобие. Впрочем, отмахнувшись от мутной полудрёмы, я всё же предусмотрительно решил остановиться на догадке об умело организованном провокационном мероприятии (возможно или даже скорее всего, не только для меня одного) где-то в комнатухе, соединённой с этой вентиляционным ходом. Тщательно прочищенным вентиляционным ходом, надо сказать,⁵⁴ — и постарались же ради такого дела, су...

Что бы то ни было, теперь голоса смолкли, словно погасли — да, их будто бы выключили. Возможно, это вообще было проигрывание некой аудиозаписи, понял я вдруг. Ну конечно, они это могут — на то и профи.

— Ну-с, — появляясь на пороге приоткрытой двери, молвил как раз представитель оных «сиятельных» профи, словно выступая из мрачной тени на желтушный свет чахлого электрического освещения. Кружащиеся мелкие частички пыли, подсвеченные в этом полумраке, бледным ореолом сияли вокруг его смазанной тенями фигуры, придавая ей некий мистический облик, можно сказать, призрачно-нереальный. — А вот и я! Не ждали? — в свойственной всему их мутантскому племени манере поспешил изрыгнуть он эту вариацию на тему старой «бородатой» шутки.

Сколько я здесь? Минуты, часы, дни? Время скукожилось, растягиваясь и сжимаясь. Дребезжащие воспоминания слов этих двух незримых подслушанных голосов тускнели, блекли, словно от момента их произнесения прошли чуть ли не века. Да и казалось теперь мне, что будто

54 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

бы я их вовсе и не слышал на самом-то деле, а вроде как прочитал об их трёпе где-то и когда-то давно. Ну, будто в какой-то старой нудной книжке, скорее всего,⁵⁵ заданной для прочтения на каникулах в далёкие школьные годы. Наверное, именно это ощущение, пожалуй, и стало основным доводом в пользу того, что только что мне удалось-таки если не увидеть, то прослушать некое подобие сна. Довольно *странного*, надо признать, *сна*.

— Итак, милейший друг, — тем временем, вовсе недружески ухмыльнувшись, продолжало чёртово Святейшество, практически на акулий манер «вплывая» на стул по иную от меня сторону стола. — Вам выпала великая честь ещё больше послужить нашей Великой Родине!

«И всему депрессивному человечеству» — мимо воли всплыла в моей памяти старая недобрая шутка на затронутую велико-пафосную тематику.

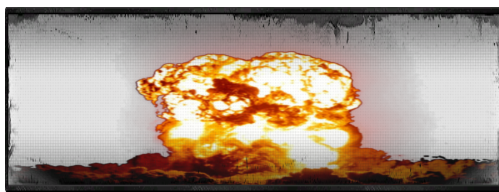
Передо мною (прямо на покачнувшийся стол) из принесённого затёртого «сидора» Его Светлость изволила резким (словно давно и тщательно отрепетированным) жестом дешёвого фокусника вывернуть кучу тряпья до отвращения знакомых расцветок. От торжественности этого его жеста меня сначала слегка замутило, но я легко сдержался, кажется, даже виду не подал. И всё же от увиденной мною картины и особенно глубокого осознания вырисовывающейся перспективы слишком резво заскакали неудержимые табуны мурашек по моей враз похолодевшей спине.

Спина вспотела от долгого неподвижного лежания на застиранной хлопчатобумажной простыне, теперь ощутимо пропитанной моим потом. Окна, хоть и были приоткрыты, даже затенённые старыми высокими тополями, практически не улучшали удушливую атмосферу внутри помещения. Долетающий иногда их размеренный умиротворяющий шелест клонил в сон, походя свидетельствуя о присутствии некоего ветерка, который, впрочем, никоим образом лично мною не ощущался. Вскоре после этого, однако, проявлялись достаточно хорошо ощутимые слабенькие ароматы неких цветочков, очевидно, посаженных по каким-то клумбам где-то снаружи помещения.

Как там на самом деле выглядело это «снаружи», мне было до сих пор не известно. И, надо признать, малейшего желания что-либо рассматривать через эти новенькие пластиковые окошки с «бундесовской» фурнитурой у меня ничуть не возникало. Подозреваю, там, снаружи, всё было тоже подчёркнуто-показушно, что называется, *образцово*, вплоть до побеленных досточек на месте раздолбанных поребриков и подкрашенной травки перед некой высокопоставленной инспекцией. Короче говоря, даже внутреннее убранство меня изрядно раздражало всем этим свеженаведённым лоском — и его было с изрядным избытком, по крайней мере, с моей точки зрения. Или, если сказать честнее, исходя из моего весьма угнетённого состояния.

55 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ведь я *оказался в плену*. Вот так просто и коротко. Факт — и точка. Это стало моей жуткой реальностью нежданно воплощённого кошмара, как только я рассмотрел надписи, самые новенькие из которых были сделаны на мерзком местном наречии, выдуманном, как известно, подлыми «пшеками»⁵⁶, чтобы досадить нам, настоящим, исконным русам...

Плен. Что может быть хуже, чем оказаться в плену? Разве оказаться в плену раненым. Тем более оказаться раненым в плену у проклятых «бандерлогов»!

Весь ужас понимания моего положения сразу же буквально вжал меня в постель, аки непосильный груз — могучего витязя, практически отняв у меня не только нѳги, но и речь. Мифическому Илюше из Мурома, получается, повезло куда больше, чем мне. Конечно, мне тоже можно было надеяться на то, что кода-нибудь припрутся некие ходоки, которые дивной водичкой (или всё же водочкой?) попоѳют меня — и я вновь обрету силушку богатырскую, и поскачу на просторе, и возрадуюсь во... Ну, как-то так. Могут, конечно, и задержаться чуток — нас ведь здесь, конечно же, нет, и всё же... Ждать месяцами, тем паче годами всё же как-то не радует. Но ведь когда-нибудь обязательно придут — русские ведь своих не бросают...

Правда, я всё же вовсе не герой и никогда даже не мнил себя в таковом романтическом амплуа — я ведь реалист, практичный до мозга костей, наученный горьким опытом к томѳ же. Рано или поздно все невызванные либо ломаются, либодохнут — факт. Так что не могу я даже представить, сколь долго смогу терпеть всё, ныне мне уготованное...

Ну, а пока что с загипсованным огрызком руки сосед мой *по* — прямо скажем! — *камере* молча проводил меня до местной параши, дабы я (с целью сохранения остатков гордости) самолично справил маѳую нужду, как подобает настоящему мужчине, а не в это вот гнусно предложенное мне «кря-кря» ... Недавно окрашенный коридор (по виду, не более па́ры месяцев томѳ) буквально давил на мою психику всю показавшуюся мне (очевидно, именно в этой связи) очень долгой дорогу. А уж аккуратно выложенная ровненькая плитка и особенно чистенький толчок (скорее всего, засланный итальяшками или дойчляндцами⁵⁷) своей гламурной белизной буквально взрезáли мне глазá. Но более всего меня возмутила эта вот мягкая (нежно-голубого цвѳта!) крышка, которая скрывала на своей нижней стороне вообще истинное паскудство: жѳлтую трафаретную надпись большими буквами из трёх слов в три ряда **«ЗМИЙ СЮДИ ЛАЛА»**⁵⁸, очевидно, на всё том же местном растреклятом наречии. Смысла этой мерзости я, конечно же, не понял до конца, но что эти гады про лучшего в мире человека (можно сказать, долгожданного всеблагого спасителя нашего!) богохульное паскудство изобразить изволили — это несомненно, как... Как как, собственно!

56 В оригинале так и было «пшеками», очевидно, подразумеваются поляки.
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

57 В оригинале так и было «дойчляндцами», очевидно, подразумеваются немцы.
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

58 В переводе «смой сюда ла-ла», т. е. того сáмого В. В. П.. (прим. автора)

Крайней каплей стало предложение мне *присесть на этот голубой толчок...* Да-да, тысячи раз правы те, кто утверждает, что чёртовы «гейропейцы» насильственно превращают настоящих мужиков в чёртовых гомиков! Только подумайте: мне, пленённому герою-освободителю, — и ссать сидя!! Да не бывать такому!!!

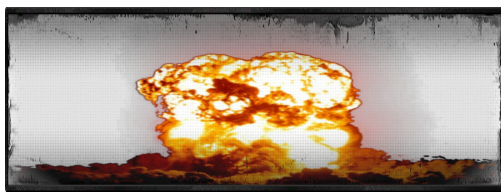
— Милейший, присаживайтесь быстрее! — поддерживая меня незагипсованной рукой, глумливо-настойчиво заявил мой сопровождающий (специально подосланный надзиратель и искусный пытчик в одном лице, очевидно) и тут же поспешно прибавил: — Если сейчас упадёшь, одной рукой поднимать тебя из твоих же ссак будет непросто.

Садисты бандеровские! Думаю, именно тогда на меня и снизошло истинное откровение. Да, я пленён, ранен, слаб, еле на ногах стою — надо мною в таком состоянии легко глумиться этим извергам, сейчас им нетрудно меня унижать, оскорблять и даже, как только им захочется, ногти мне повырывать вместе с яйцами. Думаю, подлатают ещё чуток, подправят, заодно и наркотою подольше пообколют (помнится, бредил я жутко, не помню уж точно, на какие темы, но осадок до сих пор ощущался), а потом и до более эффективных и менее изысканных пыток дойдёт очередь. Видно, хорошо у них тут это продумано — наверняка НАТОвские инструктора подсобили. В таком вот нынешнем состоянии своём я не то что отбиться от них и вырваться самостоятельно, не могу даже доковылять до чёртового сральника...

В какой-то момент слабости мне в кружащуюся голову пришла предательская мысль о том, что уж лучше бы я сейчас под себя мочился, пока меня электрошоком пытаются или те же ногти щипцами рвут, а ещё лучше вообще сразу пристрелили бы, может, даже распяли или вообще полонием отравили, чем вот так вот надо мною изошрённо извращаться, содомитскую папу-мать их! ... Кажется, мне на глаза начали наворачиваться обидные слёзы бессилия... Но нет, не дождутся! Всё же я не мазохист и тем паче не самоубийца — вовсе нет! Они не узрят признаков моей секундной слабости, не увидят ни слезинки, я даже виду не подам, что всё это как-либо меня зацепило — ничуть! Пусть лучше сами удавятся, су...

Теперь, исполнившись решимости, я горделиво возлежал на своей мягкой и чистой, можно сказать, почти царской постели, аки давеча восседал на «троне» с предательски мягенькой сидухой... Впрочем, а почему нет? *Мир таков, каким мы его видим* — так, кажется, сказал какой-то мудрогель (невесть какой, нет им числа)? Так почему бы и мне в моём положении не видеть, что наполовину пустая чаша на самом деле наполовину...

В этот момент я, кажется, начал припоминать нечто, наполовину сокрытое мраком забытья, нечто важное, существенное... Похоже, я начал погружаться в полудрёму, которая тут же мгновенно улетучилась, как только я попробовал лениво зацепиться за это смутное воспоминание, — вероятно, поэтому следом словно бы растворилась и сама тень этого воспоминания. Среди смутных отголосков всяких мудрогелевых бессмыслиц (вроде «*важнейшее всегда ускользает*», «*тень существует посредством света*», «*не всё то, что блестит...*») — ну, хрени, короче, всякой, которая робко и

полуоформлено топталась где-то на грани моих тяжких дум... Так вот, среди этой бредятины (очевидно, навешанной специально подобранной для меня наркотой в капельнице), среди этой сумбурной ахинеи я чётко для себя оформил в слова основную идею, которая вдруг стала для меня крайне очевидной и действительно важной. Воистину благую идею, которая до недавнего памятного момента моего мужского унижения была для меня лишь звуком, красивым и несущественным пафосом в устах разномастных проповедников.

Мы приходили, приходим и будем приходить на их чистенькие улицы, перебираться через ровненькие заборчики, топтаться по их ухоженным газончикам, влазить и даже вламываться в их аккуратненькие домишки — и наводить там должный порядок, привносить туда настоящую жизнь, прямо скажем, без прикрас. Делать этот их зажравшийся иллюзорный мир таким, каким он должен быть на самом деле, — то есть нашим! Да, всё это всегда в нашей сути, в нашей крови, в нашей душе. Это не истребить калёным железом, тем паче не вытолкнуть гамбургером с картошкой фри и даже не расплющить «Майбахом». Нас не подкупить ни тёпленьким уютом, ни смачными харчами, ни «грязной зелёной бумажкой», ни красочными «гейробаксами». Мы — настоящие люди, наша суть исконна и неизменна, а великая благая цель ясна и боговдохновенна. Ведь все мы — не просто народ-победитель, мы — народ-спаситель! Да-да, это именно наш народ — богоизбранный, а не гнусное племя абрамово. Истинный Спаситель — русский, ибо он во всех нас. Потому мы всех их будем спасать, если понадобится, до самого Конца Времён, сколько сможем и скольких сможем.

Уверен, и среди проклятых янки тоже найдутся вполне пригодные для перевоспитания в подлинных мужиков и настоящих баб. Даже думаю, с основной массой тамошнего многоликого населения это будет вовсе не так уж и сложно, пожалуй, процесс этот уже потихоньку продвигается к давно намеченной нашими дальновидными руководителями цели. Довольно медленно, как по мне, но им виднее, а потому всё самое интересное ещё впереди. Конечно, все эти представители «Мирового Правительства», «Геев-Мерзких групп» и прочих «Синедрионов» — они-то без боя не сдадутся, тем паче, что воевать с нами (воинством божьим!), как всегда, они будут чужими руками. Но нет в том нашей вины — нет, бог свидетель! И кровь сих невинных жертв их беспринципного лукавства не на нас, но на них, да! И, как бы то ни было, понимание того, что сии заблудшие овцы вокруг — лишь невинные жертвы пагубной политики всей этой злобной хунты, ни в коей мере не должно не то что останавливать наш праведно карающий меч, но даже сколько-нибудь притормаживать нас.

Тогда я внезапно понял, что я тоже настоящий герой-победитель, а потому просто обязан, как только понадобится, принести любую жертву, абсолютно любую. Да, я тоже за ценой не постою! Если понадобится, действительно переоденусь в их форму (даже под угрозой спланированной подставы с назначением мне роли «пойманного диверсанта-укропа») и учиню пред камеры многие мерзости — всё ж во благо, да, истинно во благо!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аннотация.....	4
----------------	---

ГЛАВА 1 ПРОЛЕТ

1. Четыре часа.....	5
---------------------	---

2. Битый час.....	10
-------------------	----

ГЛАВА 2 ЧАС

1. Святое дело.....	12
---------------------	----

2. Час потехи.....	15
--------------------	----

ГЛАВА 3 ПРОРА

1. Имя нам — Легион.....17

✧ ✧ ✧

2. Падший.....18

✧ ✧ ✧

ГЛАВА 4 БЕЗРАЗДЕЛЬНО

1. Кошмар в майскую ночь.....22

✧ ✧ ✧

2. Пробуждение типа.....26

✧ ✧ ✧

ГЛАВА 5. ОПЕРАЦИЯ

1. И станет город-ад.....30

✧ ✧ ✧

2. Предатели.....33

✧ ✧ ✧

ГЛАВА 6. ПЕРСПЕКТИВА

1. И нету покоя.....37

✧ ✧ ✧

2. П(а)лата.....41

✧ ✧ ✧

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

WW3

«Призрак»

2017.05.04 © M. Spassky/М. Спасский

edit: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа: **Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus**
Редакция и оформление: 15.10.2017
Время редактирования: 01:35:07
Редакция (кол-во сохранений): 17

Общее количество страниц: 52
Общее количество абзацев: 412
Общее количество слов: 15621
Общее количество символов: 107707

Kharkiv, Ukraine

Copyright © 2017 by Michael R. Spassky

Copyright © 04.05.2017 by GAD, Home Studio

Copyright © 15.10.2017 by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

СЕРІЯ
МІ-24
МІ-24